

УЧИТЕЛЬСКАЯ

независимое педагогическое издание **Газета**

№36 (10793)
от 3 сентября
2019 года
<http://www.ug.ru>

Газета выходит с 1924 года
Цена договорная

Литературный номер

Ильдар АБУЗЯРОВ

Фарид НАГИМ

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Сергей РЯЗАНСКИЙ

Дмитрий ВОДЕННИКОВ

Герман САДУЛАЕВ

Алиса ГАНИЕВА

Роман СЕНЧИН

Кристина ГЕПТИНГ

Булат ХАНОВ

Кристен РУПЕНЬЯН

Александр ЦЫПКИН

ISSN 0233-4488

12+

| Скажу прямо...

Честно о главном

Арслан ХАСАВОВ, главный редактор «Учительской газеты»

Всегда радостно получать письма.

Нет, не ставшие привычными e-мейлы, а те самые - старомодные, в бумажных конвертах. К счастью, в редакцию они приходят регулярно. Я взял за правило читать каждое.

Пишут по-разному и о разном. Просят о помощи, делятся мыслями и проектами, откликаются на вышедшие публикации.

Неизменно одно - этот заочный разговор всегда честен. Именно так общаются с близкими, зная, что они поймут и поддержат.

Нерешенных проблем много. Увы, они будут всегда. И с началом очередного учебного года кажется, что их стало только больше. А времени на саму попытку их решения, напротив, меньше.

Психологи говорят, что в современном ритме жизни всегда важно уметь вовремя отвлечься. Переключиться с рутинных задач на что-то еще.

Пересадить цветок в горшок побольше, встретиться с друзьями, совершить короткое путешествие - пусть даже и в соседний населенный пункт. А потом, кто знает, или проблема отступит, или изменится наше отношение к ней. Ну а если ни то ни другое, то почти наверняка появятся новые силы для продолжения движения по выбранному пути.

Неплохо отвлекает и чтение. Конечно, вы уже догадались, что к старту учебного года мы решили подарить вам литературный номер «Учительской газеты».

Его сквозная тема - первый учитель. Не обязательно школьный педагог, но тот, кто оказал влияние, сыграл свою роль в судьбе автора или его персонажа. Вспомните героев одноименной повести Чингиза Айтматова, ведь там главными уроками Дюйшена были совсем не те, что он дал у доски.

Среди тех, кто согласился помочь нам в реализации этой задумки, - известные писатели, лауреаты и финалисты самых престижных литературных премий страны. Это и Александр Архангельский, и Роман Сенчин, и Дмитрий Воденников, и автор журнала The New Yorker Кристен Рупеньян, и Алиса Ганиева, и даже космонавт - глава Российского движения школьников Герой России Сергей Рязанский... А ведь это даже не половина авторов, чьи рассказы и эссе представлены в номере и в большинстве своем написаны специально для него. В каждом из них личная история, но, собранные под одной обложкой, они будто бы переглядываются и перемигиваются, создавая в пространстве газеты совершенно особую атмосферу. Подчеркивается она и нетипичными для нас иллюстрациями и экспериментальной версткой, свойственной скорее дорогим глянцевым журналам.

Отдельно стоит сказать и о первой полосе. На ней картина художника Владимира Дубосарского «Буду летчиком» из серии «Мои первые книжки». Владимир Ефимович не нуждается в представлении, его картины висят в Русском музее, Третьяковке, в парижском Центре Помпиду и еще в десятке крупнейших музеев и галерей мира.

У него была тысяча и одна причина отказать в праве публикации картины или просто проигнорировать наше предложение, но он согласился сделать исключение.

«Цифра» продолжает даже не захватывать, а обволакивать наш мир в целом и жизнь каждого по отдельности. Многие операции теперь можно выполнить быстрее и эффективнее. То и дело появляются новые стартапы, сервисы и возможности, чтобы сэкономить, высвободить наше время. Стало ли его больше и тратим ли мы его эффективнее - вопрос открытый.

В этой ситуации меняются и средства массовой информации. Вы знаете, что «Учительская газета» вовлечена в эти процессы.

Но, согласитесь, есть что-то особенное в этих пахнущих типографской краской страницах.

Так же как и есть что-то в тех нередко написанных от руки письмах, с которых я начал.

Этот номер - наш ответ, наши слова благодарности и поддержки.

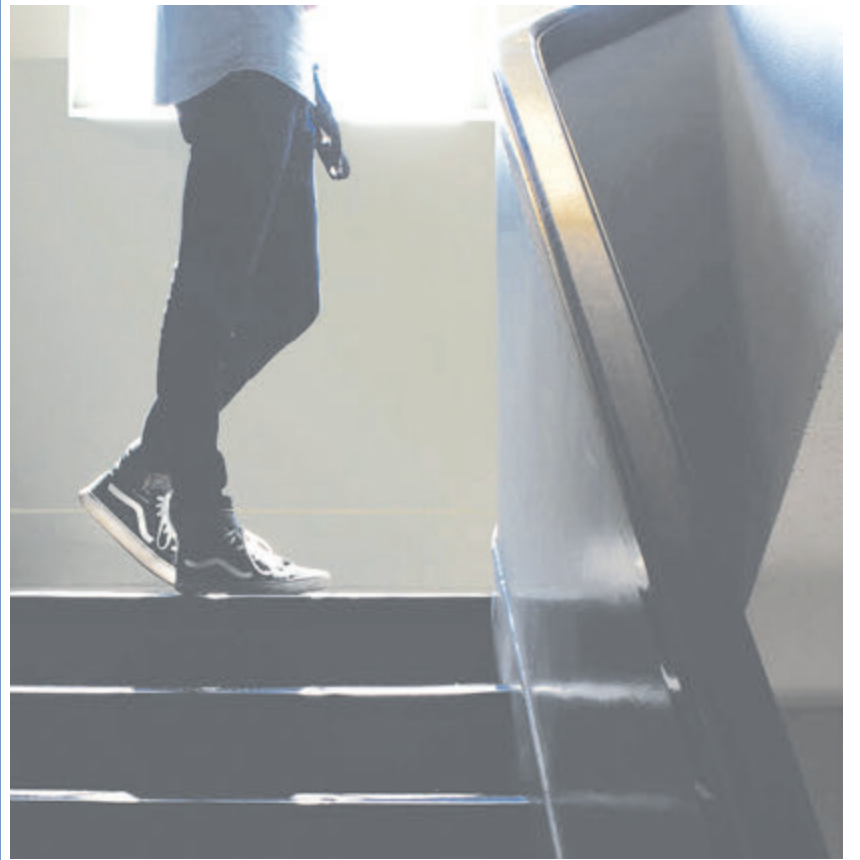

Первое сентября. Боль

Рассказ

Александр ЦЫПКИН - настоящая поп-звезда от литературы. Его книги, совокупные тиражи которых исчисляются сотнями тысяч экземпляров, годами не выходят из списков лидеров продаж, а его гастрольный график впечатлит даже опытного артиста. Он создатель одного из самых ярких и необычных литературно-театральных проектов последнего времени - «Беспринципных чтений», в рамках которых современную отечественную прозу читают со сцены сами авторы и ведущие российские актеры, например Константин Хабенский, Сергей Бурунов, Максим Виторган, Ингеборга Дапкунайте, Николай Фоменко и многие другие.

Специально для литературного номера «Учительской газеты» Александр Цыпкин выбрал рассказ о полной тревоге встрече с одноклассниками после продолжительных летних каникул.

Александр ЦЫПКИН

Тяжело в школе оставаться без друзей.

1 сентября девятого класса. Я приезжаю с дачи и более всего жду встречи со своей компанией. Еще трое таких же оболтусов. За восьмой класс, как мне казалось, мы особенно сдружились. Развлекались безбожно. Ну, к примеру, ездили в Гостиный Двор, примеряли идиотские женские шапки и дико ржали, пока нас наконец не выгоняли. И еще много интересного.

Но лето - это три месяца. За три месяца все могло раствориться, даже крепкая мужская дружба. Тем не менее я верил в чудо.

В школу летел на крыльях, бежал из автобуса, готовый броситься в объятия мушкетеров. Девяносто дней спустя! Ищу. Кто-то сказал, что они на третьем этаже в каком-то пустом кабинете. Сердце стучит. Подхожу к открытой двери, вижу - сидят. Занимаю проем и оттуда бросаю:

- Здорово, отличники!

Все трое обернулись, равнодушно сказали:

- Привет.

И отвернулись. Мой мир рухнул. Не хотелось плакать в 14 лет, но я был готов. А чего я ожидал и, главное, с чего? Ну потусили в прошлом году. За лето все забылось... Больно, конечно, так их ждал. Парни...

Тут один снова на меня, застывшего в дверях, посмотрел. Глаза округлились:

- Цыпкин, это ты?!

Все трое разом вскочили.

- Ты что, нитратов объелся? Ты где ходишь, мы уже час тебя ждем!

За лето у меня сломался голос, я вырос на двенадцать сантиметров и отрастил волосы.

Я никогда не был таким счастливым.

Герой России Сергей РЯЗАНСКИЙ, пожалуй, один из самых известных космонавтов в современной России. На его счету два полета в космос общей продолжительностью 304 суток 23 часа 22 минуты, а суммарная продолжительность 4 выходов в открытый космос - 27 часов 39 минут. Это первый выпускник МГУ, совершивший полет в космос, а еще первый в мире ученый - командир космического корабля. А еще, а еще, а еще... Кажется, что заслуги, титулы и звания руководителя Российского движения школьников (РДШ) Сергея Рязанского можно перечислять бесконечно. А нужно ли? В своем эссе, написанном специально для «Учительской газеты», он рассказывает о том самом учителе, который когда-то дал толчок к развитию его способностей. Читая его, сокрушаешься: ну почему этот самый Босс - Галина Анатольевна - не встретила каждого из нас? Кто знает, где бы мы были сегодня...

С утра и до вечера мы жили в школе: ставили спектакли (были даже постановки на английском языке), проводили поэтические вечера, писали статьи для научного журнала, который мы же и издавали.

Мы все пели бардовские песни, обожали русский рок. Особенно интересовались творчеством Высоцкого, Визбора, Макаревича и Шевчука. А еще мы постоянно путешествовали. По большому счету это было общечеловеческое культурное образование, которое сплотило выпускников всех биоклассов в некую общность. Мы были воспитаны на глубоким уважении к науке, литературе и музыке. Несмотря на нашу непохожесть, обожали одних и тех же поэтов, пели одни и те же песни.

Рядом с нашей школой на юго-западе Москвы находились биофак МГУ, два медицинских вуза и акаде-

Сергей РЯЗАНСКИЙ

Вдохновение - это особое состояние человека, когда его сознание наполнено душевными силами, а все мыслительные процессы двигаются в одном направлении. Благодаря вдохновению появляется желание творить и, как правило, быть полезным для общества. Одних вдохновляет музыка или литература, кто-то обретает силы, наблюдая за природой, а другим важно на примере реальной истории человека с горящими глазами стать немного лучше. Это большая удача, когда на жизненном пути встречаются такие энтузиасты. По-другому их еще называют мотиваторами.

Мне посчастливилось перенять любовь к своему делу именно у такого учителя и стать настоящим человеком.

Большое влияние на меня оказала Галина Анатольевна, руководитель нашего биологического класса в московской школе №520. Среди учеников у нее было имя Босс. Она была профессионально влюблена в биологию, но самое главное - она была личностью, которая интересовалась очень многим. Поэтому и ее ученики стремились узнать как можно больше в жизни. Она не только блестяще преподавала основы биологии, но и приобщала нас к насыщенной школьной жизни.

Я выбрал космос

Эссе

окрестностям. Нам попадались африканские, европейские виды, которые каким-то образом приспособились и выжили в наших климатических условиях. И это становилось объектом нашего научного интереса.

Во всех отношениях биокласс - это огромное сообщество, связанное узами дружбы, общих воспоминаний об исследовательских экспедициях. Благодаря инициативе Босса у каждого выпускника был свой день рождения, который потом становился днем встречи выпускников. Началось все с биологической практики на Белом море. Галина Анатольевна купила там большой деревянный дом, куда мы всем классом приезжали на практику. Девочки жили на первом этаже, мальчики - на чердаке. У нас было несколько лодок. Под присмотром старших мы выходили в море в поисках живности, необходимой для исследований. На суше сами готовили себе еду, чинили инвентарь, все это без помощи взрослых.

История дня рождения нашего класса связана с поездкой в деревню Ковда в Мурманской области. Там стояла небольшая хорошо сохранившаяся деревянная церковь XVI века. Кажется, она была самой северной деревянной церковью России. В 90-е годы под видом реконструкции было принято решение ее разобрать. И тогда все наше сообщество биологических классов выступило с инициативой спасения этой церкви. Мы писали материалы, снимали репортажи, дежурили, чтобы реставраторы не начали свои «работы». Нам даже удалось привлечь внимание Анатолия Александровича Собчака к этой ситуации. В итоге церковь мы отстояли в день Николая Чудотворца, 19 декабря. Теперь это день рождения нашего класса.

В нашем классе учился 21 человек, 15 из них поступили на биофак МГУ. Мы все мечтали связать свою жизнь с наукой.

Но поскольку это были 90-е годы, самое интересное и самое трудное время (ученые не нужны были стране), у нас было два выхода - уехать на Запад, где всегда востребованы российские ученые, или стать бизнесменами. Благодаря своему учителю я нашел уникальное место, где наука еще была впереди планеты всей.

Я выбрал космос.

В финале моего эссе хотелось бы сказать, что люди, которые любят свое дело, заражают своей любовью, толкают на новые свершения и делают нас счастливыми. У них горят глаза, и они являются для нас лучшим примером.

мические научно-исследовательские институты. Галина Анатольевна постоянно приглашала к нам серьезных ученых, погруженных в фундаментальные исследования современной биологии. Это был расцвет молекулярной биологии. Нам рассказывали, что такое ДНК, как работает рибосома на клеточном уровне. Благодаря выступлениям ученых мы первыми узнавали о самых горячих новостях из мира науки, жизни университетского сообщества.

Уникальным событием в нашей школьной жизни была биологическая практика. Именно на практике мы непосредственно изучали живые организмы.

В какой-то момент я увлекся пресноводными моллюсками. В поисках улиток мы с друзьями обследовали все канавы и ручьи.

Тогда в Подмоскovie ситуация с улитками была удивительной. Когда у очередного любителя пресноводных моллюсков произошло увлечение, он просто выплескивал содержимое аквариума, и все это живое разнообразие расплывалось, расплзлось по

Герман САДУЛАЕВ - темный рыцарь русской литературы. Автор пронзительной повести «Одна ласточка еще не делает весны», которую когда-то заметил поэт, автор текстов многих песен группы «Наутилус Помпилиус» Илья Кормильцев, он ворвался в это поле с отчаянным криком о своем существовании, о своих чувствах, о своей любви. И был услышан. Последовавшие романы «Таблетка», «AD», «Шалинский рейд», «Иван Ауслендер», сборники рассказов и публицистических текстов всякий раз становились настоящим событием и перебивали в ряду главных претендентов на все мыслимые и немыслимые премии, включая «Русский Букер» и «Большую книгу». Можно сказать, что слава Садулаева пока не угналась за его талантом и работоспособностью, но что это может значить для настоящего чеченского йога, считающего своим литературным ориентиром составителя Вед и автора Веданта-сутр Вьясу?

В своем рассказе, написанном специально для «Учительской газеты», он возвращается в родное Шали, где когда-то обрел и потерял своего настоящего учителя.

Село Шали, в котором я родился и провел детские годы, было самым обычным райцентром тихой национальной окраины Советского Союза. Численность жителей, или, как это пишется на табличках около маленьких местечек в американских фильмах ужасов, population, была 36000.

Село Шали было самым большим в стране и вторым по величине в мире, первое было где-то в Африке, и мы этим страшно гордились.

Сейчас Шали стало городом, и нынешним детям гордиться нечем.

В селе было 9 общеобразовательных школ. Школу №1 строил мой дед по отцу. То есть буквально строил, он был начальником строительства первой средней школы в селе. А когда школу построил, то стал в ней первым директором. Когда школ в селе и районе стало много, мой дед перешел на работу в РОНО - районный отдел народного образования, стал в нем заведующим. Это было еще до того, как чеченцев выслали в степи Казахстана и Сибири. Кстати, даже депортированный, мой дед и в ссылке был каким-то начальником и уполномоченным.

Можно сказать, что я принадлежу к учительско-начальственной династии районного масштаба. Моя мать всю трудовую жизнь проработала учительницей математики (хотя по образованию была учительницей русского языка и литературы), а отец до пенсии всегда был начальником. Последняя его должность: председатель районного комитета охраны природы. Я тоже должен был стать либо учителем, либо начальником. Отец послал меня учиться в Ленинград на юридический факультет. Я должен был вернуться и со временем стать районным прокурором. Вряд ли я поднялся бы на республиканский уровень (там свои династии), но место в районной аристократии было мне гарантировано.

Жизнь текла размеренно и предсказуемо. И даже перестройка неистового Горбачева поначалу не очень поменяла уклад нашего провинциального бытия. Но в Шали стали приезжать на гастроли различные персонажи и коллективы. Я так понимаю, это было связано с легализацией предпринимательской деятельности, с кооперативами и всяческим хозяйством. Время для бизнеса было идеальное, золотое. Рынок, куда ни ткни, был ненасыщенным, сберкнижки советских граждан просто распухли от всяческих накоплений, хотелось и товаров, и зрелищ, любых развлечений. Вот и колесили по стране «антрепренеры». Собирали публику, большие деньги, а налогов, кажется, никаких не платили. Тогда никто и не знал, что такое налоги.

Мы в своем захолустье Шали почувствовали себя прямо как на перекрестке гастрольных маршрутов.

«Проездом из Парижа в Аддис-Абебу» у нас побывали все.

Только-только уезжал бродячий цирк, как приезжал путешествующий зоопарк. Своего стационарного пункта с игровыми автоматами типа «морской бой» у нас не было, но автоматы привозили, собира-

ли с нас обильный урожай 15-копеечных монет и увозили. Мотоциклисты-эквипристы ставили свою огромную бочку и катали виражи по внутренним стенкам. Приезжали танцоры, певцы, акробаты, целители и астрологи. Не первой, конечно, величины. Самые популярные гастролировали в Грозном. Но гастрольный поток был настолько мощным, что и на Шали хватало.

Поэтому никто не удивился, когда в селе появились афиши о приезде индийского йога, экстрасенса и гипнотизера. Было назначено целых два выступления в районном Доме культуры два дня подряд, чтобы все успели посетить мероприятие и чтобы мест всем хватило. И, кстати, оба раза зал был полон. История не сохранила имени этого йога. Вернее, моя память не сохранила. Йога была индийской, но сам йог был вполне русским, с Украины. Но это я немного забегаю вперед.

На Востоке говорят: «Когда ученик готов, входит учитель».

Впрочем, на Востоке так не говорят. Так написал, кажется, Рерих. Придумал еще одну «восточную мудрость». Но в принципе так оно и есть. К приезду индийского йога с Украины я был готов. В журнале «Наука и религия» я прочитал несколько статей об индийской философии, о секретах йогов, а заодно про даосизм, буддизм и учение Карлоса Кастанеды (переводы Кастанеды в то время печатались в журнале будущий великий писатель земли Русской Виктор Пелевин). Была у меня и брошюрка по здоровому образу жизни и лечению от всех болезней, в которой приводились упражнения йоги - асаны, то есть позы, и пранаяма, то есть дыхательные упражнения. И я уже все это «практиковал». Вечерами я сидел в своей комнате в самом дальнем тупичке нашего дома и пытался завернуть ноги-колени в позу лотоса.

Надо сказать, что в детстве и юности я был слабым, болезненным и некрасивым. Это сейчас я такой солидный, представительный, сексуальный, стройный, здоровый и сильный. А раньше было наоборот.

Тельце у меня было кривое. Постоянно сутулое и изогнутое. Мускулатура хилая - ни подтянуться толком, ни отжаться. Дыхалка слабая. Выжил я только потому, что хорошо стрелял из всех видов оружия. Ну и помогал одноклассникам с домашними заданиями по математике. А еще у меня были прыщи. Огромные, с горох величиной, фиолетово-розовые, прямо сияющие прыщи, и не два или три, а по всему лицу. Так что на женскую любовь и личное счастье в этом материальном мире я не мог рассчитывать. Оставалось стремиться к духовному совершенству.

Йога вообще-то могла поправить дела с моим физическим состоянием. Но меня этот аспект не очень интересовал. Я не доверял своему телу и скептически относился к его возможностям. А вот выйти за границы тела и стать могущественным где-то там, в ином, таинственном, мире - это меня увлекло. Поэтому вместо того, чтобы править искривление позвоночника, что в том нежном возрасте с помощью асан было вполне возможно, я изнурял себя постами и доводил до обмороков дыхательными практиками. Чередуя гипervентиляцию легких с кислородным голоданием, я успешно добивался галлюцинаций, которые, конечно же, принимал за мистические видения, откровения и знаки того, что я продвигаюсь на пути в Шамбалу или не знаю, куда я тогда думал, что продвигаюсь.

Гастроли йога в нашем захолустье я тоже воспринял как знак.

Шамбала посылает мне учителя!

Я попросил папу купить билеты на оба выступления. Папа купил и один раз даже сходил вместе со мной. Я помню, после того как йог показал дханур-асану и прокомментировал, что эта поза улучшает потенцию и будет очень полезна для пожилых мужчин, у которых молодые жены, папа задал вопрос: «А что делать, если с потенцией все в порядке, а жена немолодая? Может ли йога сделать жену опять молодой?» Это папа так пошутил. И весь зал смеялся. А йог, сдержанно улыбнувшись, ответил, что йога омолаживает всех - и мужчин, и женщин. Но в этом мире люди все равно стареют. И хорошо, когда муж и жена стареют вместе. А потом они умрут. Потому что в этом

мире все умирают. Даже йоги. Но после смерти, если очень хочется, можно попасть в такой рай, где у вас будут вечно молодые женщины и даже девственницы. Каждый день, каждую ночь, до изнеможения. Пока вас не вытошнит от них обратно на землю.

Все или почти все присутствовавшие в зале были мусульманами. Поэтому никто не засмеялся. И вообще желание и настроение шутить как-то сразу пропало.

Учитель показывал сложно закрученные позы, демонстрировал прямо-таки акробатические трюки. Рассказывал, чем полезно то или иное упражнение. Конечно же, поведал историю своей жизни: после травмы позвоночника он был прикованным к постели паралитиком, но упорной практикой асан поднялся и пошел. И не только стал полноценным человеком, но и обрел сверхспособности. Например, он может останавливать сердце. Йог спросил: «Есть ли в зале медик?» Медик нашелся и вышел на сцену (ни до, ни после у нас в Шали этого медика никто не видел). Йог сел в асану и остановил сердце. Медик проверил пульс и сказал: «Да, удивительно, но сердце остановилось». Через пару минут медик сказал: «Удивительно, но сердце заново бьется».

Потом был сеанс саморазоблачения с гипнозом. Учитель позвал на сцену добровольцев. Добровольцы вышли (все какие-то незнакомые добровольцы). Йог ввел их в транс. В транс они совершали немыслимые вещи: стояли на руках, лежали на кончиках двух стульев параллельно полу, по отвесной стене карабкались к потолку. Учитель сказал загипнотизированным, что они на Марсе. И вокруг растут прекрасные цветы. Они ходили по сцене и нюхали воображаемые цветы. Потом сказал, что вокруг полно скорпиов. Людьюми овладела жадность. Они стали хватать невидимые сокровища и пихать к себе за пазухи. Толкали друг друга и отбирали что-то друг у друга. А йог сказал, что теперь эти сокровища превращаются в скорпионов, в жалающих скорпионов. И люди начали визжать, кататься по полу, вытряхивать все из себя, а одна женщина стала истерически раздеваться, и сеанс гипноза пришлось прекратить.

После увлекательного представления йог сказал, что желающие могут записаться к нему на личный прием. Я был желающий, я был очень желающий. Но я боялся, что папа мне не разрешит. Папа, может, обиделся на йога. А папа разрешил. Папа не только разрешил и заплатил деньги за прием, но и отвез меня к йогу в гостиницу. И рассказал учителю о моих проблемах со здоровьем. Это было на следующий день, кажется. Учитель при моем отце ввел меня в гипноз и что-то там мне говорил, диктовал, внушал. В том смысле, чтобы я излечился. И я, наверное,

излечился. Потому что сейчас я даже не помню, с какой именно проблемой отец привез меня к гастролирующему його-волшебнику.

После лечебного сеанса я поблагодарил учителя и рассказал ему, что давно интересуюсь йогой, что занимаюсь асанами, пранаямой, а особенно медитацией. И что я уже на пятом уровне, прошел седьмые ворота и там встретил стража - огненного льва, который меня не пускает дальше, и мне нужно узнать, как преодолеть эту преграду, чтобы выйти в лотос космоса.

Учитель посмотрел на меня с какой-то, кажется, жадностью и тревогой.

И сказал, чтобы я завтра к нему еще раз пришел. Совершенно бесплатно. Не для лечения (потому что я уже вылечился), а для обучения. Я спросил папу: «Можно?» Папа сказал: «Валяй».

Потом мой папа будет об этом жалеть. Например, из-за вегетарианства. Помню, учитель спросил меня: «Ты ешь мясо?» Я сказал: «Да. Шашлык. Очень люблю шашлык. Ну и там остальное тоже. Курочку. Говядину в борще. Какой же борщ без говядины?» А учитель сказал как отрезал: «Йоги не едят мяса». И больше к этому вопросу не возвращался. Зато я, вернувшись домой, тоже сказал как отрезал: «Я больше мясо не буду есть. Уберите от меня вот это все. И борщ уберите. И галушки с мясом. И с чесночным соусом. Вот с этим чесночным соусом на бульоне, который такой, что от одной мысли о нем рот наполняется тягучей слюной, уберите. И шашлык мне больше не предлагайте. Ароматный бараний шашлык, кипящий в собственном жире, на блестящем шампуре над лесным костром, никогда». «Почему?» - ахнула и ужаснулась мама. «Йоги не едят мяса», - ответил я. Ну тут папе от мамы досталось по первое число. И за то, что сына в йоги отдал, и за вопрос про молодую жену тоже (мама на лекции не присутствовала, но ей, конечно же, донесли).

На второй встрече учитель сначала разочаровал меня. Он ничего не рассказал мне о воротах и огненных львах. Я даже подумал, что, может быть, он еще на слишком низком уровне и ничему не может меня научить. Учитель показывал мне асаны, поправлял, говорил мне про позво-

ночник, что надо выпрямлять позвоночник, а то дела совсем плохи. Даже пранаяме не научил. И позы давал такие, самые простые. С первой странички брошюры здорового образа жизни. А потом вдруг учитель сам вздохнул и сказал, что очень устал. Что все эти гастролы каждую неде-

ем в голосе: «Ты правда можешь?» Я кивнул. Тогда мастер сам прилег на кушетку, а я размял его спину и прогнал прану по меридианам. Он сказал: «Блин, а действительно полегчало!» Потом посмотрел на меня внимательно и сказал еще вот такое: «Ладно, я научу тебя одной секрет-

Правда, сейчас, занимаясь йогой в группе, я хуже всех делаю все, никакие скрутки у меня не получаются, в планке я стою ну минуты две от силы, а если бы вдруг встал на голову, то сразу бы умер от гипертонического криза, но все равно я думаю, что я йог.

И мой нынешний учитель тоже говорит: «Позы - это не главное. Вообще ничего не главное. Главного ничего нет.

Не можешь лечь в шавасану без подушки, ложишься с подушкой. Растяжки нет, да и Шива с ней, с этой растяжкой. Другой, может, и в шпагате сидит, а ничего не чувствует. А ты, видно же, когда просто пытаешься сделать наклон вниз, так проходишь восьмые ворота, те, которые сразу за огненным львом. Поэтому все норм, продолжай».

И я продолжаю. Хотя внешне кажется, что у меня ничего не получается. А те две позы, которые я делаю хорошо, - это те самые позы, которым меня обучил мой первый учитель йоги в далеком детстве на гастрольях в провинциальном райцентре.

Потом я больше никогда не видел своего учителя и никогда не слышал о нем. Может быть, он жив где-нибудь на Украине. А может, ушел в Гималаи и нашел там Шамбалу или что они там находят. Не знаю. Но я скучаю.

Учитель, если ты меня слышишь, дай мне знак.

У меня тут накопилось немного болезней, штук десять-двенадцать. Было бы хорошо, если бы ты, как раньше, вылечил меня одним сеансом гипноза. Но главное - у меня еще есть вопросы. Некоторые вопросы по йоге. И вот про эту секретную технику тоже. Мне тебя не хватает.

Нам всем не хватает учителя. Который может спасти от всех бед и болезней. Научить нас тому, как правильно жить.

И еще дать волшебное средство на все случаи жизни. Нам всем не хватает спасителя.

лю в другом регионе по десять концертов в месяц и люди еще...

Люди реально все вокруг очень тупые. Люди хотят не того, чего надо хотеть. И мало что понимают. И вопросы задают идиотские.

И еще спина болит. Потому что, конечно, йога его подняла с постели и все такое. Но спина все равно болит.

И тогда я сказал: «Мастер, я могу сделать вам массаж». А он сказал с недовери-

ной технике». И он научил меня одной секретной технике. А какой, я вам не могу рассказать, потому что она секретная. Но не раз в жизни она мне помогала. Когда становилось совсем нелегко, боль жизни превышала все пределы терпения и я был уже готов вскрыть себе вены так, как полагается, правильно вскрыть, вдоль, я всегда вспоминал: у меня же есть секретная техника! И спасался. И поэтому я до сих пор живой.

Вот так я стал совершенным мистиком и йогом.

Сбросить настройки

Эссе

Дмитрий ВОДЕННИКОВ - человек особенный. Известный поэт, потерявший связь со своими стихами и так, по его собственному признанию, начавший жить. «Когда ты поэт, - пишет он в предисловии к своему сборнику «Воденников в прозе», - у тебя два состояния. Первое - ты пишешь и мучаешься. Второе - когда стихи уже написаны, ты ждешь, придут ли они снова. Ты не совсем человек. Ты живешь в вечном ожидании прихода стихов». Эти состояния ушли, но очевидно, что поэзия, растворившись в нем, не могла исчезнуть вовсе. Прочитайте его эссе, написанное специально для литературного номера «Учительской газеты», и станет понятно, что с нами, как и прежде, говорит поэт.

стыдно, что в том засохшем 1995 году я так поступил. Что это было? Почему?

Я как будто вошел в воду и вышел через несколько минут обновленным.

У Линор Горалик есть такое любимое мной стихотворение - симбиоз «Федориного горя» и библейского мифа о бегстве евреев из Египта. Заканчивается оно так: «Когда они все-таки добежали до реки, - // измученные, треснувшие, надбитые, - // он обернулся и сказал им: «Вот увидите, // мы войдем в воду и выйдем из нее другими». // Но тут река расступилась. // Река расступалась неоднократно».

Дмитрий ВОДЕННИКОВ

Однажды я уехал из дома. Нет, это были не ссора, не побег, просто я решил жить один. По тем временам снять отдельную квартиру было еще возможно, она не стоила как две твои зарплаты. В 1995-м (а было мне тогда 26 лет) квартира стоила 200 долларов. Надо сказать, что у меня прекрасные отношения с моим братом, мачехой и отцом. Особенно с мачехой, я даже со второго класса называю ее мамой. Долгое время она была моим лучшим и единственным другом. Но так уж случилось, что вот я уехал на другой конец города (мы посидели утром с ней на нашей кухне, покурили, я взял сумки и уехал), прошло пять дней, она позвонила мне по стационарному телефону (тогда никаких мобильных не было) и сказала со справедливой обидой: «Прошла почти неделя, но ты даже не позвонил». Сбросить настройки. Кажется, это так называется. И мне до сих пор

Совсем недавно, через двадцать четыре года после того как я уехал жить самостоятельно, я ждал одного важного письма, но оно почему-то все не приходило.

Теперь много мессенджеров (иногда я даже с ума схожу: не помню, где мне написали, хожу потом по всем программам, ищу, может, в Ватсапе, может, в почте, может, в личных сообщениях в ФБ или, может, ВКонтакте?), поэтому я просто написал организатору того своего выступления в один из них: «Я не получил вашего письма с билетами». Куратор проекта ответила: «Мне пишут, что у вас переполнена почта. Вы можете ее немного почистить?»

Я стер два «тяжелых» письма, и билеты сразу пришли. Но некоторая экстремальность поступка - это мое (мне даже один врач недавно это сказал: «Слушайте, ну вы

и экстремал»). Поэтому я вдруг решил стереть из почты многое.

Сперва я стирал самые ранние, ненужные письма (какие-то уже давно отцветшие рабочие переговоры), сохранял от NNи MM (любовная память), потом вдруг вошел в раж и стал стирать все, не глядя: открывал новую страницу почты, ставил «галочку» «стереть все» и просто нажимал. Через тридцать минут почта опустела.

Все три тысячи писем за двадцать лет полетели в забвение.

Даже это: «И вот только тогда через сутки, уже в Москве, за минуту, как пришла твоя эсэмэска, я вдруг понял, ЗАЧЕМ Я ЕХАЛ ТУДА. Через все месяцы, все километры, через эти три дня. Я ехал, чтобы посмотреть на тебя в упор. И чтобы обнять. Очень может быть, что в последний раз. Как тогда на улице, в Поднебесном аэропорту. Просто так: не по-братски, не по-дружески, не как любовник и не как бывший любовник. А так просто - на десять секунд, как будто бы навсегда. Вот интересно, стоит вся эта груда времени, все эти безумные километры одного десятисекундного объятия?»

Сбросил настройки. (Сейчас полез на сайт со своими стихами, который завели и поддерживают одни ребята, хотел скопировать этот фрагмент, смотрю, а сайт не открывается. Что-то там у них просрочено. Тоже своего рода «сбросить настройки». Почему-то в такие моменты я чувствую не раздражение, а радость. И еще: если то, что ты написал, нужно людям, ты это все равно где-нибудь найдешь. Вот как я сейчас.)

Линор Горалик - учитель, сайт - учитель, даже переполнившаяся почта - учитель.

У Карлоса Кастанеды в его книге о доне Хуане (не помню уже какой) был эпизод, когда герой и его учитель пережидают бурю в пещере. Не помню, о чем они говорили, но я тогда подумал: так и надо.

Учитель всегда в пещере.

Может, он ему там как раз говорил: «Человек живет только для того, чтобы учиться, а чему учиться - хорошему или плохому, - зависит лишь от его природы и его судьбы».

Что ж, можно учиться и у пустоты. ...Недавно прочитал в ленте: «Давайте себе представим на минуту, что на Земле исчезают все носители информации - бумажные, электронные и любые другие. Не остается ни одного записанного слова, рисунка или символа. И перед людьми встает задача - восстановить максимум возможного».

Нет-нет, это не про пресловутое «что ты возьмешь на необитаемый остров?».

Дмитрий Чернышев писал: «С большой долей вероятности будут быстро восстановлены стихи и песни известных поэтов и религиозные тексты - все, что заучивается наизусть. Легко будет восстановить детские сказки, пословицы и поговорки, анекдоты, колыбельные, кулинарные рецепты. Не будет проблем со шлягерами и с классической музыкой - у музыкантов прекрасная память. Из большой прозы сильнее всего повезет самым раскрытым авторам - тем, чьим творчеством занимаются литературоведы. Но уже здесь неизбежны серьезные лакуны. Попробуйте восстановить полное собрание сочинений Льва Николаевича. Или две тысячи пьес Лопе де Веги. От многих книг останется только примерный каркас сюжета. Десятки тысяч авторов и их произведений будут утрачены навсегда».

Мне эта идея понравилась. Сбой, катастрофа, просто вымирание, и горстка людей сможет из всей сокровищницы по памяти восстановить только крохи. «Не более одного процента культурного наследия человечества».

«В связи с чем возникает вопрос: насколько сильно нужно все остальное, если оно не оставляет следов в нашей памяти?»

И потом замечает: «Кстати, обратите внимание на то, что попса будет восстановлена практически вся. Без потерь».

И вот еще один полезный урок. Спасибо, дон Карлос.

Стереть все. Всю свою жизнь. Чтобы осталось только самое важное.

И пусть это будет какая-нибудь дешевая песенка: в момент нашей смерти в бреду будет звучать именно она. Или крутиться какая-то не самая великая строчка.

В общем, интернет-пользователь, написавший про этот мысленный эксперимент, тоже учитель.

Как и учитель Карел Чапек, написавший в своей пьесе «Средство Макропулуса» (еще одна невеликая пьеса) последнюю реплику.

Если помните, сюжет там такой: оперная дива, которой «как будто холодно, когда она виртуозно поет», оказывается, живет уже триста лет. Весь сюжет крутится вокруг секрета вечного нестарения, который известен только ей и еще одному человеку и которым хотят завладеть все остальные участники этой полукомедии-полудрамы.

В конце пьесы Эмилия Марти скигает этот клочок бумаги и восклицает, открыв нараспашку окно: «Конец бессмертию!»

Вот они, мои учителя: дон Карлос, стертая почта, упавший сайт, Линор Горалик и Эмилия Марти.

Но есть и другие. Даже когда будут уничтожены все носители информации, бумажные и электронные, я вспомню финал толстовской повести «Смерть Ивана Ильича». Нет, не дословно.

Я вспомню слова: «И тогда он вдруг понял: смерти нет. Все кончено. Тогда он потянулся всем телом куда-то вперед и провалился туда, в свет».

Проверим по условию задачи мою память.

Для него все это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменялось. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа. В груди его kloктало что-то; изможденное тело его вздрагивало. Потом реже и реже стало kloктанье и хрипенье.

- Кончено! - сказал кто-то над ним. Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. - Кончена смерть, - сказал он себе. - Ее нет больше».

Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер.

Я проиграл. Но тут река расступилась.

Кристина ГЕПТИНГ - лауреат главной литературной премии для молодых авторов «Лицей». Ее повесть «Плюс жизнь», рассказывающая о проблемах ВИЧ-положительных людей, по-настоящему потрясла членов жюри и читательскую аудиторию. Литературный критик Галина Юзефович тогда написала, что «то, из чего любой другой автор без труда собрал бы надрывную драму с элементами чернухи, у Гептинг становится основой для рассказа о первой любви, взрослении и радости вопреки всему». Кажется, именно этого нам не хватает в современной литературе? Одно из ведущих издательств готовит к выпуску новую книгу Гептинг «Сестренка». Мы публикуем отрывки из нее.

Кристина ГЕПТИНГ

Черт. Сердце колотится о ребра, как птичка, готовая выломать своим хрупким тельцем прутья клетки. Так, стоп. Алиса ведь научила меня, как с таким справляться. Я начинаю гладить эту беспокойную птичку - свое сердце. От головки до хвоста. Нежно, но твердо, ощущая каждое непокорное перышко.

Постепенно становится легче. Минут через пять уже дышу почти спокойно. Со стороны и вовсе, пожалуй, выгляжу невозмутимой. Ругаю себя: зачем пришла на полчаса раньше? Теперь ждать и мучиться...

Сидя в модном крафтовом баре, я переживала хотя бы о том, как бывшая подруга отреагирует на это место.

В школьные годы она была забитой.

Возможно, и сейчас не ходит по всяким сложным кафешкам. Что, если она почувствует себя неуютно и разговора не получится?.. Впрочем, это ерунда. Волнение съело меня потому, и только потому, что я не знала, чего теперь ждать от человека, которому когда-то принесла настоящее зло.

Наконец она пришла. Уселась, несмело улыбнулась. Устремила на меня вопросительный взгляд. Хотя нет, не так. Я понимаю: прошло десять лет - а это ведь будто парочка жизней, - а она и по сей день смотрит на меня, как тогда. Я перешла сразу к главному:

- Аня, я позвала тебя, чтобы попросить прощения.

- Неужели? - ей словно стало больно.

- Да. За тот случай с сапогами...

Прошина отреагировала мгновенной злобой, будто все это произошло прямо сегодня.

- А за случай с прокладками?

- И за него тоже, - соглашаюсь я, хотя не сразу понимаю, о чем идет речь.

Но через пару секунд горошинами по темени застучали воспоминания: мы договариваемся с Лизой и Викой («А что, ведь так классно можно подшутить!»), у Лизы как раз месячные, она, пока никто не видит, подкидывает использованную прокладку под стул Прошиной, кото-

рую мы с Викой предусмотрительно отвлекли в коридоре.

Звонок уже прозвенел, все на своих местах, но учительницы еще нет, и вот я громко говорю:

- Ой, Прошина! У тебя месячные? Не знаю, порадоваться или посочувствовать... Только зачем нам всем об этом знать?!

Она лепечет что-то в ответ, но ее слова тонут в волнах смеха и скабресных шуток. Наверное, она говорила что-то вроде: «Да нет у меня месячных! Эту гадость мне подбросили!», а я делано возмущалась:

- Подбросили?! Да кому это надо? Просто признайся, что ты грязнула!

Вероятно, тогда я торжествовала. А теперь для Прошиной пришло время возмездия.

- Зачем ты это делала? - спрашивает она.

- Много чего я могла бы сказать, - отвечаю я.

- Но вряд ли получится объяснить. А даже если бы и начала, ты бы не поняла. Да и не объясана понимать.

- Я еще пару лет после выпуска мечтала как-нибудь тебе отомстить.

- Это понятно. Меня только одно интересует. Почему ты не дала мне отпор? Ведь я этого заслуживала. Ну подумай: если бы меня про-

Короче, понимаешь, я уверена, что насилие прекращается, если у кого-то находятся силы его остановить.

- Ты была самой популярной в классе, хоть и училась у нас первый год, - объяснила Прошина (а будто я не знала!..). - Я не верила, что у меня получится тебе противостоять. И даже сейчас... Умом понимаю, что мне не тринадцать и ничего уже не грозит, но до сих пор, когда слышу за спиной смех подростков, первая мысль, что это ржут надо мной.

- В общем, к делу, - продолжила я. - Я виновата перед тобой. Может быть, твоя жизнь сложилась бы как-то по-другому, если б не я. Вряд ли я имею представление, как могу действительно загладить свою вину. Но, может быть, ты не откажешься поехать вместо меня в Турцию? Я работаю в фитнес-центре, и, видимо, очень хорошо работаю, потому что начальство решило наградить меня поездкой на Средиземное море. Ну, знаешь, все как обычно: еда, напитки, развлечения... Я ехать не хочу. Я уже закинула удочку директору: он не против, чтобы вместо меня ехал другой человек. Ну как?

Сестренка

Отрывки из повести

учили после того случая с прокладками, то не было бы и всего остального. Когда начинаешь кого-то травить, а этот кто-то еще и реагирует так, как ты себе и представляла, остановиться очень сложно. Но если бы я почувствовала твою силу, то струсил бы. Я это точно знаю.

Прошина вспыхнула.

На ее лунообразном лице за- танцевали красные пятна: ок- зывается, она не сильно изме- нилась со школы, хотя в соцсе- тях, как мне показалось, изобра- жала удовлетворенность жиз- нью.

Успешный успех, вот это все.

- То есть ты считаешь, что я сама виновата в том, что меня унижали? В том, что ты и твои подружки меня избили и чуть не утопили? Типа жертва - та, кто хочет ею быть? Так? Может, я и в том виновата, что моя мама взяла деньги у твоего отца, чтобы от ментовки тебя отмазать?!

Глупо начинать оправдываться, но то, что я говорю в следующий момент, иначе не назовешь:

- Нет, ну что ты... Виновата я, и только я. И наши с тобой родители, конечно. Просто я имею в виду, что если бы ты вела себя по-другому...

Прошина смотрела на меня с недоверием. - Даже не знаю. Что-то сильно шикарный подарок, сколько это стоит? Тысяч пятьдесят?

- Да соглашайся ты! - смеюсь я. - Я пересматриваю свою жизнь. Хочу исправить ошибки там, где это возможно.

- Может, я туда приеду, а меня в рабство отправят? - ехидно парирует Прошина.

- Я, конечно, была самой популярной девочкой в классе, но я не настолько крута для таких преступлений, - качаю я головой.

Она обещает подумать, и мы расстаемся.

* * *

Главная моя проблема - память.

Я предпочитаю ничего не помнить, потому что

память - синоним боли.

Но Алиса сказала, что советует вспоминать все и прорабатывать. Проработать для меня - это значит разделяться. Я думаю, самое важное, когда копаешься в прошлом, разделить себя с собой. Определить, в чем ты был не прав, и постараться исправиться. И вот тут-то память меня и подводит.

Первой мне на ум пришла Прошина, кстати, ее-то я в Турцию отправила и даже провожала в аэропорту, а она меня трогательно обняла на прощание.

А вот с остальными было сложнее. С подкаской школьных подружек Лизы и Вики я все же вспомнила фамилию девчонки, которую поставила на счетчик, неоригинально обвинив в краже сигарет из моей сумки. Решетникова, Света Решетникова. Вскоре после нашего с ней конфликта она перешла в другую школу, а в институте училась и вовсе на юге страны. С одноклассниками не общалась. Найти ее в соцсетях мне не удалось. Может быть, вышла замуж и сменила фамилию.

Алиса говорит, достаточно осознать и что, мол, я не обязана как-то возмещать причиненный вред. Ведь я была глубоко травмированным ребенком. Но я в ответ только мотала головой, хоть и чувствовала, что, если бы не Решетникова, Прошина и кто там еще был, я бы, возможно, убила саму себя. Тем сильнее сейчас было желание хоть как-то переписать прошлое.

Наконец через одну из своих клиенток, которая работала в крупной страховой компании, я раздобыла номер телефона Решетниковой.

- Света, привет. Я так долго тебя искала. Есть минутка поговорить?

- Это не Света. Вы ошиблись.

- Как не Света? Мне нужна Решетникова Светлана Анатольевна... - растерялась я.

- Девушка, я ничем не могу помочь.

Я не нашла ничего лучше, чем позвонить в службу поддержки мобильного оператора.

- Дело в том, что этот номер был не востребован полтора года, - объяснили мне там. - В таких случаях мы имеем право продать его другому человеку.

Всплывает чат WhatsApp. Сообщение от той самой Иры из страховой: «Я навела кое-какие справки. Нам, как всегда, вовремя информацию не передают. Так вот, твоя Решетникова полтора года назад умерла».

- Я хочу знать, от чего она умерла, - говорю я своим старым подружкам, зачем-то собрав их в кафе.

- У нас типа поминки по Решетниковой? - грубовато смеется Вика.

- Викусь, ну нехорошо, - хмурится ставшая супермамой Лиза, которая притащила дочек, Милану и Эмилию, на «поминки».

- На самом деле можно у ее брата спросить, - выдает Вика. - У нее брат есть. По отцу, правда, сводный. Но он всяко знает, от чего она копыта отбросила.

- А я не понимаю, Юлечка, зачем тебе это знать? - пожимает плечами Лиза.

- Разное в детстве бывает. За- чем это через столько лет вспо- минать?

- Не, ну а тебе было бы приятно, если б Миланку или Мильку за волосы по школьному двору протаскивали? Головой об раковину били?.. - резонно вопрошает подвыпившая Вика. - Вот мне стыдно за это. Мы ужасные дела творили. Я Юльку понимаю. Не, ну я не дура, я б им путевки в Турцию не дарила, но извиниться, может, и надо. Нам всем надо.

- Что же ты не бежишь извиниться? - саркастически поджимает губы Лиза.

- Ну я, значит, не такой хороший человек, как Юлечка, - отвечает Вика.

- Все, хватит, - прерываю их я. - Вика, как зовут брата Решетниковой?!

«Я вас не знаю. И не понимаю, почему должен рассказывать об этом. Но если вам интересно, Света покончила с собой. О причинах не спрашивайте, мы жили в разных городах и мало общались. Вроде бы у нее были проблемы с молодым человеком. Всего доброго», - сухо ответил мне в Фейсбуке Толик Решетников.

Я написала, что готова помочь. Нет, я понимаю, что моя помощь Свете уже не нужна. Но, может, памятник на могиле поставить?

На это предложение Толик ничего не ответил. Наверное, счел меня сумасшедшей.

Мама любит говорить, что ни- чего непоправимого нет, пото- му что Иисус простил раскаяв- шегося разбойника.

Мой собственный опыт в очередной раз подсказал: непоправимого в жизни сколько угодно.

Роман СЕНЧИН - мрачный тип. Не верите? Прочитайте хотя бы его романы «Елтышевы», «Зона затопления» или «Дождь в Париже». Некоторые критики утверждают, что он пишет «серым по серому», иначе говоря, не только видит, но и передает окружающую действительность без прикрас. В его библиографии больше двадцати томов, удостоенных целого ряда премий, включая «Большую книгу», а еще все укрепляющийся статус живого классика русской литературы. В своем эссе, написанном специально для «Учительской газеты», он рассказывает о том Учителе, которого ему повезло встретить в жизни.

Роман СЕНЧИН

К сожалению, школа не оставила у меня много хороших воспоминаний, не было и любимого учителя.

Дело здесь наверное, в складе моего характера.

Особенно в подростковом возрасте я протестовал буквально против всего, и уроки, само устройство школьной жизни, конечно, были в центре этой моей протестности.

Плюс к тому учился я в 1980-е - сначала болото застоя, а потом перестройка с посприанием авторитетов, разрушением каких-никаких, но еще существовавших идеалов...

Помню уроки истории, литературы, которые мы, несколько начитанных нигилистов, превращали в настоящие измывательства над учителями, защищавшими идеалы, пытавшимися придерживаться старых программ. Помню уроки литературы, наш, как сейчас называется, троллинг учителей: «Почему мы не учим «Доктора Живаго»? «Чевенгур»? Солженицына?»

С одной стороны, стыдно, с другой - без этого наверняка в то время было невозможно стать думающим, самостоятельным человеком.

Тогдашние отличники с примерным поведением в дальнейшем очень быстро потерялись. Кто чего-то из нашего поколения добился, так это бунтари и спорщики.

Через неполные пять лет после окончания школы, осенью 1993 го-

да, я случайно стал учителем истории и географии в селе, из которого тогда разбежались почти все специалисты. За плечами у меня был один семестр пединститута. Конечно, я тоже очень быстро убежал - не справился с учениками, но благодаря этим месяцам многое понял о профессии учителя. Перед некоторыми своими учителями хочется извиниться.

Хотя такая вот, наверное, извечная суть конфликта школьных учителей и их учеников: детей заставляют учиться в школе, и большинство из них неизбежно воспринимают школу как мучение, а учителей - как мучителей. Чувство это остается пусть подсознательно, но на всю жизнь.

«Дети воспринимают только эмоционально окрашенное знание», - в интервью вашей газете сказал не так давно писатель Леонид Юзефович, сам много лет отдавший школе. Да, я согласен. Ребенка, подростка, ерепящегося юнца нужно увлечь, правда, учителей, обладающих этим даром, наверняка не очень много...

После школы были училища и институты, но поступал я в них без желания - потому что надо. Почти все сверстники учились; чтобы найти относительно денежную работу, нужен был диплом...

Заканчивалась моя учеба через несколько месяцев - было или скучно, или приходилось тратить силы на то, что мне казалось совершенно лишним. Бросал.

А главным уже тогда для меня было писательство. Я, как мне казалось, имел богатый жизненный опыт, фрагменты которого пытался переложить в циклы рассказов. Некоторые нестыдно было показывать другим, и их стали публиковать в газетах Минусинска, Абакана, Кызыл-городов, где я тогда часто бывал. Сам жил с родителями в деревне, куда мы переехали из Кызыла в 1993-м.

Да, некоторые рассказы выходили, но хотелось большего. Непонятно чего, но большего, чем периодические публикации в газетах. И однажды я собрался с духом и зашел в Абакане в Союз писателей Хакасии. В сумке была папка с рукописями.

Когда говорят, что союзы писателей не нужны, их нужно распустить, я не соглашусь. Особенно в провинции они необходимы. В первую очередь необходимы начинающим авторам. На первых порах полезно быть в писательской атмосфере, почувство-

то еще из руководителей семинаров стал меня так защищать, опекать, помогать. Но главным было то, что я знал, к кому поступаю.

Книги Александра Евсеевича я читал задолго до того. Они были в нашей домашней библиотеке: «Мальчики», «Товарищ Ганс», «Хлопоты», «Нежный возраст», «Тридцать шесть и шесть», «Скудный материк». Мне они нравились, некоторым я пытался даже подражать. И вдруг оказалось, что их автор ждет меня в Литинституте.

Аттестат я имел слабенький, познания в иностранном (немецком) языке нулевые. Если бы в то время существовал ЕГЭ, то двери вузов для меня были бы плотно закрыты.

Но тогда на экзаменах главным являлось личное общение; в Лите все решали итоговое собеседование и мнение руководителя семинара.

Как я узнал после поступления, Александр Евсеевич когда-то ввел

за незнание истории Древнего мира или латинского языка в то время никого, кажется, не исключали... Многие бросали Лит по своей воле, особенно на первом курсе. Каждый считал себя гением, и когда оказывалось, что таких гениев вокруг многие десятки, да к тому же твоя гениальность ставилась под сомнение или вовсе не признавалась, делалось невыносимо. Особенно сильный отсев был у поэтов. Действительно талантливые ушли первыми. Жаль, что руководители семинаров (многих, по моему, незаслуженно называли мастерами) их не удерживали...

Говорят, что научить писать невозможно.

Да, соединять слова, придумывать сюжет, уснащать его деталями людей, не имеющих к этому никаких способностей, наверняка научить действительно нельзя. Но в Литинституте и не учат писать, туда принимают людей, способных писать, и помогают им эти способности развить. Одни искренне и горячо помогают, другие делают вид, третьи - некоторые преподаватели с филологи-

Понимаете,

Эссе

вать поддержку, услышать и критику, и похвалу. Другое дело, что в немалой части местных союзов сидят окостенелые, не принимающие ничего нового, ревниво относящиеся к молодежи люди.

Мне повезло - мне встретилась совсем молодая в то время женщина, приветливая и неравнодушная, Наталья Марковна Ахпашева. Позже я открыл ее как замечательную поэтессу.

Прочитав мои опыты, она предложила отправить их в Литературный институт. Я изумился. Во-первых, Литинститут был для меня чем-то недостижимым, почти мифическим, во-вторых, я думал, что он закрылся, тогда, в середине 90-х, казалось, что все уже разрушилось, погребло, исчезло. Оказалось, не все.

Я послал письмо, а месяца через два получил ответ, что прошел творческий конкурс и могу приезжать на экзамены. Сообщалось, что курс набирает Александр Евсеевич Рекемчук.

Это было, как я понял позже, счастливой случайностью, что я попал именно на его год, вряд ли бы кто-

закон: к оценочной пятерке за особо понравившиеся работы, присланные на конкурс, прибавлял два плюса, и это становилось для экзаменаторов по другим предметам знаком, что такой абитуриент обязательно должен стать студентом.

В тот год одним из двух абитуриентов с двумя плюсами оказался я.

Литературный институт в мое время еще сохранял те цели, ради которых был основан в 1930-е: собирать литературно одаренную молодежь из разных уголков страны и давать ей знания. Проявлялись ли на экзаменах и зачетах студенты, что впитали эти знания, для многих преподавателей было не самым важным. Особенно для штатных литинститутских. Они просто читали лекции, брали зачетки в руки, нехотя задавали один-два вопроса и вне зависимости от ответов спрашивали: «Что вам поставить?» Если обнаглевший студент просил пятерку, они удивлялись, но, как правило, не спорили.

Свиристествовали в основном приходящие преподы из МГУ. Впрочем,

ческим образованием - пытаются вылепить из студентов не писателей, а филологов.

Александр Евсеевич относился к тем, кого выбрал из многих десятков приславших рукописи на творческий конкурс, сразу как к писателям.

Знаю, что каждый год он приходил в приемную комиссию и просил дать ему посмотреть отбракованные другими работы. И обязательно находил там двух-трех, кого вызывал на экзамены. Кстати, из таких отбракованных пришли в литературу несколько ныне очень известных прозаиков.

Лекции, спецкурсы, экзамены и зачеты в нашем институте были лишь придатками к главному - творческим семинарам.

Семинар у Рекемчука проходил так. Сначала Александр Евсеевич рассказывал литературные новости, поздравлял тех студентов, у кого состоялись публикации. Поздравлял так весомо, словно эти публикации - драгоценный вклад в сокровищницу мировой культуры. Потом начиналось обсуждение.

Двое или иногда трое рецензентов, которых назначали на предыдущем занятии, подробно разбирали представленные тексты. Но высказаться должны были все, пришедшие на семинар. Допускалось и пресловутое «понравилось/не понравилось», но хотя бы с кратким объяснением, почему.

Когда студенты замолкали, наступал черед Рекемчука.

«Понимаете, какое дело», - говорил он раздумчиво. Затем следовала пауза, мы старались угадать, что последует дальше: поток похвал, восторгов или...

Нет, он почти никогда не громил, не размазывал. Но бывал жестким и беспощадным. Щадить автора - значит мешать ему развиваться.

Экземпляр рукописи нашего мастера был весь в пометках. Синим маркер-

ром отмечал мельчайшие ляпы, нестыковки, стилистические и грамматические ошибки, красным - удачные моменты. Даже в слабой рукописи он находил, что отметить красным.

Обсуждаемый в мое время не имел права голоса. Александр Евсеевич объяснял это тем, что автор не может встретиться с каждым читателем, растолковать, что имел в виду. Нужно пытаться сказать все в своем тексте...

Александр Евсеевич был действительно учителем. Для многих из нас - кто-то пришел сразу после школы, кому-то, как мне, например, было далеко за двадцать - по настоящему первым.

Мы собрались в институте по своей воле, мы хотели научиться. Рекемчук учил.

Он учил, по сути, одному: относиться к выбранному делу серьезно. Если человек поступил в Литературный институт, то никаких побрякушек ему быть не может. Самым оскорбительным было для Рекемчука, когда

То есть в отличие от многих более молодых собратьев его не мариновали, не держали до седна в литературном резерве. Наверное, потому он сам стремился показать читателю малейший творческий успех своих студентов - предлагал удачный рассказ или повесть редакторам литературных изданий. Что-то публиковали. А в 90-е публикация в «Литературной газете», «Новом мире», «Знамени», «Нашем современнике» еще вызывала хоть какой-то резонанс, а то и шумное обсуждение. Не боясь быть уличенным в штампе, скажу: публикация в заметном издании была путевкой в большую литературу.

Рекемчук получил такую путевку молодым и, будучи уже очень пожилым человеком, не боялся давать такие путевки молодым 1990-2000-х. А они, выросшие на Лимонове, Генри Миллере, Селине, писали порой так, что, по словам Александра Евсеевича, у него остатки волос на голове вставали дыбом.

Он сам признавался, что когда-то (а вел семинары с 1970-х) за матерное слово в рукописи устраивал сту-

зе, сюжеты повестей и романов Рекемчука, но рассказанные не то что иначе, а без маскировки под придуманное...

А жизнь у него действительно сложилась так, что и придумывать ничего не надо. Отец - штабс-капитан царской армии и советский разведчик, вернувшийся в 1920-е из оккупированной Румынией Бессарабии, мама - партийный работник в Одессе, где и родился Рекемчук в декабре 1927 года.

Отца расстреляли в 1937-м, мама уцелела, может быть, и потому, что сохранила девичью фамилию... Переезд в Харьков. Война пришла и туда. Под бомбами эвакуация в Барнаул. Поступление в Московскую артиллерийскую школу, которая тогда находилась в Бийске. Возвращение вместе со школой в Москву в 1944-м. Ожидание отправки на фронт - многие курсанты потеряли родных, хотели мстить. Рекемчуку не хватило

какое дело...

на вопросы: «Что это у вас написано? Что за небрежность, ахинея?» - студент смущенно отмахивался: «Да это я так». Такие слова выводили Александра Евсеевича из себя, словно его лично оскорбили, унизили.

На похвалы он не скупился. Часто сам автор лишь от него узнавал, какой написал сильный рассказ. Вернее, мог бы написать, если бы не вот это, это и это. И автор бежал домой или в общагу на улице Добролюбова, чтобы исправить, переделать и на следующий вторник - семинары в Лите проходят по вторникам - принести мастеру.

Да и все мы разбегались после семинаров с острой потребностью пи-

дентам жесткую выволочку, не терпел натурализма, стилистических изысков. Но он не только учил, а и учился у них. Видя, как меняется литература, принимал эти изменения. И сам в конце жизни стал писать для себя по-новому.

Рекемчук был очень популярен в 1960-х - начале 1980-х. В годы перестройки замолчал. Тогда многие советские писатели замолчали. Одни навсегда, другие на долгие годы.

Курсе на четвертом я спросил его: «Почему нет новых книг?» Александр Евсеевич ответил, что все, в общем, написал в жанре фикшен (он часто употреблял слова «фикшен», «нон-фикшен»), сейчас же пытается

до призывного возраста нескольких месяцев.

Поэтическая студия Владимира Луговского, поступление в Литературный институт. Творческая командировка в Коми АССР, растянувшаяся на пятнадцать лет. Угроза ареста в 1948-м за то, что при вступлении в ВКП(б) не сообщил о репрессированном отце (а Рекемчук на самом деле не знал о его судьбе). Настоящая слава после публикации повести «Время летних отпусков» и травля через год, после того как Никита Хрущев в неподходящей обстановке - во время отдыха на Черном море - посмотрел фильм по этой повести, надеясь увидеть пляжи, от-

Обо всем этом Александр Евсеевич писал увлекательно, порой его книги 2000-х напоминают детектив. Тиражи мизерные, но почти все написанное им есть в Интернете. Это стоит читать. Это своего рода художественная эпопея с охватом времени почти в век.

Говоря о поздних книгах, Александр Евсеевич называл одним из своих учителей Валентина Катаева с его мовизмом, кстати, они были земляками, но в то же время он везде пропагандировал тогдашнюю молодежь, писавшую так называемый новый реализм, имевший с мовизмом нечто общее. Мне кажется, предельную достоверность...

Рекемчука называли кондовым реалистом, совписом. Тут можно спорить, а можно и просто не замечать этих ярлыков. Он писал разное. Но почти всегда его проза оставляет ощущение достоверности, герои - хоть из фикшен, хоть из нон-фикшен - живые и теплые. Пожалуй, главным аргументом против его кондовости может служить перечисление учеников, ставших более или менее известными. Это писатели совершенно разных направлений, разного мировоззрения, разной эстетики.

Александр Сегень, Вероника Кунгурцева, Олег Борушко, Владимир Березин, Мария Ряховская, Ева Датнова, Маргарита Шарапова, Алексей Цветков, Валерий Былинский, Емельян Марков, Светлана Трemasова, Кирилл Волкодаев, Валентина Юрченко, Илья Кочергин, Уляя Нова, Ирина Богатырева, Ольга Брейнингер, Екатерина Юркевич, Юрий Лунин, Александра Шалашова. То есть от предельных фантастов и модернистов до почвенников и новых деревенщиков...

Когда я поступил в институт, Рекемчуку было уже под семьдесят. Вскоре у него появился помощник - писатель Александр Филимонов,

один из ранних учеников. Но он недолго продержался и ушел. После окончания Лита его место занял я. Меня хватило на два года.

Одно дело - провести недельный семинар «Липки» или трехмесячный курс занятий в Школе мастерства, а другое - жить этим. Десятилетиями. Александр Евсеевич жил. Это огромное напряжение и ответственность, но, наверное, мы, ученики, дарили ему радость своими успехами. Хоть иногда.

В последние годы я старался чаще встречаться с ним. Не только чтобы поддержать все сильнее сдающего. Общение с Рекемчуком, как и раньше, заряжало меня энергией. Бывал на семинарах и выходил на улицу после них с тем же чувством, что и когда-то: скорее добраться до стола и написать такое!..

Потом я уехал из Москвы. Весной 2017-го мы звонили друг другу почти каждую неделю. Речь Александра Евсеевича становилась все тягучее, силы оставляли. И он так досадовал на немощь, болезни, на то, что не удается каждый вторник приходить на семинар, что ребята там без него. «А такие ведь талантливые!» Увлекался, начинал рассказывать, какую замечательную повесть написала одна, какие рассказы вдруг стал приносить другой. Голос крепнул, молодец. И я успокаивался: весной у пожилых людей всегда обостряются недуги. Наладится погода, поправится и здоровье.

Мне не верилось, что смерть завладеет таким человеком. Честное слово, не верилось. Но время, как известно, неумолимо.

Александр Евсеевич умер 6 июля 2017 года в 89 лет.

Что остается нам, его ученикам? Мы разные, у нас разный уровень таланта, разный взгляд на литературу и писательство. Но, наверное, всем нужно относиться к выбранному делу всерьез, не давать повода смущенно отмахиваться, будучи пойманым на ахинею и художественной неправде: «Да это я так».

сать. Так нас заряжал Рекемчук. Заряжал каждую неделю.

Творческая судьба Александра Евсеевича сложилась и счастливо, и в то же время драматично. Еще студентом - поступил в Литинститут в 1946-м - стал много публиковаться, в неполные тридцать вышла первая книга, за ней - почти каждый год или новые, или переиздания. Многие повести и рассказы были экранизированы.

ся писать художественно, но в то же время нон-фикшен. Не фикцию, не придуманное, а документальное. Но художественно.

И вскоре стали выходить его потрясающие - без всякого преувеличения - книги «Знаки времени», «Пир в Одессе после холеры», «Кавалеры меняют дам», «Мамонты». Это именно проза, описывающая реальные события, герои носят имена действительно живших людей. Там, в этой про-

дыхающий советский народ, а вместо этого на экране оказались комары, бараки, производственные проблемы.

Открытие, что есть единокровная сестра - французская балерина Тамара Чинарова. Литературные группировки в Москве 1960-х - 1980-х. Работа на «Мосфильме». Явные и скрытые механизмы перестройки. Первые советские бизнесмены вроде Ивана Кивелиди и их судьба...

Петр Карлович Паскаль,

Отрывок из книги

Александр Николаевич АРХАНГЕЛЬСКИЙ - писатель, журналист, телеведущий, ординарный профессор НИУ «Высшая школа экономики». Человек безумно харизматичный и успешный во всех ипостасях, перечислить каждую из которых, наверное, затруднится и он сам. Объединить все его социальные роли воедино может разве что слово *influencer* - «человек, по-настоящему влияющий на других».

Его ценят и любят все, кто имеет хоть какое-то отношение к современной культуре, а кто не ценит и не любит, скорее всего, просто ничего в ней не понимает.

Для литературного номера «Учительской газеты» Александр Николаевич выбрал отрывок из своей новой, еще не вышедшей книги «Русофил. История жизни Жоржа Нива, записанная Александром Архангельским».

Впрочем, ему слово:

«Уже несколько лет я работаю над серией небольших книг, в центре которых судьба наших выдающихся современников. Уже вышла книга об основателе Московской высшей школы социальных и экономических наук Теодоре Шанине («Несогласный Теодор»), сейчас готовится об одном из самых известных французских славистов Жорже Нива, переводчике Солженицына, собеседнике Пастернака, редакторе многолетней «Истории русской литературы», по которой учатся французские студенты. Эти книги основаны на беседах с их героями, написаны от первого лица, чтобы я не мешал читателю своими вопросами. Получаются биографические повести о счастливой жизни поперек несчастливого времени. Внимание читателя предлагаю главу, в которой Жорж Нива рассказывает о своем учителе Пьере Паскале - убежденном католике и убежденном большевике. Как это может быть? О том и рассказ».

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Эколь Нормаль Супериор на улице Ульм в Париже. Так называется один из главных французских университетов. Своего рода светская духовная академия, основанная Конвентом и объединившая когда-то практически все региональные педагогические институты. Фактически за учебу в Эколь Нормаль, куда поступить было не так уж просто, платило государство, а никаких или почти никаких обязательств на студентов это не налагало. Я всегда сравнивал Эколь Нормаль с Телемским аббатством в дuxe Рабле.

Поначалу мои занятия никакого отношения к русскому языку и литературе не имели: я поступил на отделение английской литературы и думал, что буду заниматься Англией.

Но английские преподаватели мне не очень нравились, они были типичные «сухари» и зануды.

К счастью, мы могли (и даже были обязаны) посещать лекции в Сорбонне и среди прочего слушали лекции философа российского происхожде-

ния Янкелевича. Он говорил о философии языком музыки и без конца цитировал русских поэтов в оригинале. И я на всякий случай решил посмотреть, а что же там происходит, на этом загадочном русском отделении.

Занятия проходили по четвергам и пятницам в одной из пристроек напротив главного здания Сорбонны. Войдя в аудиторию, я увидел профессора Пьера Паскаля, знаменитого специалиста по наследию протопопа Аввакума. Паскаль полностью очаровал меня. И не только меня. Но о самом Пьере чуть позже, а пока сюжет, связанный с одним из его друзей из «прошлой жизни».

Уже в конце первого академического года, 29 июня 1956-го, Паскаль пригласил меня на именины - они с женой, Евгенией Русаковой, принимали в небольшой квартирке в Нёйи друзей-товарищей по Французской коммунистической группе. К моему полнейшему изумлению, я увидел (и услышал) участников русской революции 1917 года, это были ее живые остатки. Там был Борис Суварин, один из бывших главварей Третьего Интернационала и основатель Французской компартии (правда, уже через год его из нее исключили, слишком вольный). Там был Николай Лазаревич. Там был Марсель Боди, воевавший некогда простым солдатом на русских полях Первой мировой, а после Октября 17-го живший вместе с Пьером в коммунальной московской квартире в Денежном переулке...

Я с ними разговаривал и не до конца отдавал себе отчет в том, что общаюсь с людьми Большой истории. Мне был всего двадцать один год, понимание пришло позже.

Люди, близко знавшие Паскаля, звали его Петром Карловичем, как меня теперь Георгием Ивановичем. Нас было всего четверо-пятеро, его учеников, которых он принял в друзья, но перед которыми не сразу открылся, он недаром напоминал нам улыбающегося Сфинкса, было в нем нечто загадочное и до поры до времени недоступное. Тогда была еще жива его жена Женни, Евгения Русакова-Иоселевич, очень вспыльчивая и очень восторженная, она-то и начала постепенно проговариваться насчет его прошлого, необъяснимого, непостижимого и волнующего. Семейство Русаковых было выдающееся. Отец враждовал с царским режимом, эмигрировал, когда прозвела труба революции, он со всеми дочерьми вернулся в новую Россию. И одна вышла замуж за Хармса, другая - за Виктора Сержа, третья - за Пьера Паскаля. И еще одна - за большевистского комиссара.

Мало-помалу Паскаль и сам начал кое-что рассказывать, мы узнали, как он стал большевиком, основал Французскую коммунистическую московскую группу. И эти рассказы меня потрясли. Но не меньше потрясла история добровольной русификации типичного француза, добропорядочного католика. Революционная биография мне в отличие от Пьера не светила, а вот «высокая болезнь» русификации произошла, и я невольно сравнивал свою судьбу с его судьбой.

Первый раз он встретился с русским языком в ту короткую эпоху франко-российского союза, когда

все были влюблены в Россию, так что назвали знаменитый мост в Париже именем Александра III и открыли его в присутствии его сына Николая II. При нескольких лицах, скажем прямо, немногих, двух-трех, но тем не менее открыли курсы русского языка. Пьер Паскаль попросил отца записать его на эти курсы. Ну что вам сказать? На занятиях он был один. Не нашлось других желающих.

Закрыли курсы через год.

Кстати, нечто подобное произошло и сейчас, это вечная история.

На волне энтузиазма открываем, на спаде интереса закрываем, потом опять.

Тогда он упросил отца оплатить ему частные уроки. Отец его любил и согласился, хотя решительно не по-

нимал, зачем. А в тысяча девятьсот одиннадцатом году Петр Карлович отправился в Одессу пароходом - путешествовать, общаться, совершенствовать язык и писать свою первую работу о Жозефе де Местре. Он мечтал поехать по «настоящей России», посетить Киев, Полтаву, Нежин, где Гоголь учился в гимназии. Но кто-то ему в дороге рассказал, что недалеко, в Черниговской губернии, есть село Воздвиженское. А в этом селе действует община рабочих и крестьян «Воздвиженское трудовое братство», некогда созданное родовитым помещиком Николаем Неплюевым. Неплюев всерьез, без скидок на политические и экономические обстоятельства, применил правила первых апостолов - здесь и сейчас. И прежде всего он отверг частную собственность, проповедуя мирную эволюцию от капитализма к христианскому обществу, живущему на началах бедного папифистом. Земли свои передал братству, причем без денег, все 18 тысяч гектаров пахотной земли, и повел «братчиков» к новой жизни. В Воздвиженском были и детские сады, и школы, и занятия искусством, и равные права у мужчин и женщин, и глубокая, искренняя религиозность. Причем вполне церковная в отличие от Толстого, который Неплюева знал и глубоко уважал, но шел своей

дорогой. Это Паскалю, который был искренним католиком и при этом страстным сторонником социальной справедливости, очень понравилось, он повидал последователей Неплюева, восхитился ими и отправился дальше, думая, что дело ограничится общей симпатией.

Но самое интересное было впереди.

Паскаль вернулся в Париж, думая, что навсегда. Тем более что атмосфера в Европе стала сгущаться, началась Первая мировая война, Пьер воевал, отношения с Россией портились, ну какие могут быть в нее поездки? Но Клемансо, наш знаменитый премьер-министр, был очень недоволен послом в России Нулансом и хотел менять положение. Он обратился за советом к католическому капеллану - аббату Фернану Порталю: кого можно отправить к русским, чтобы улучшить с ними отношения. Не послом, конечно, но важным по-

нам нужен сепаратный мир и так далее. И Паскаль вдруг подумал: да ведь они же правы! Как прав был Неплюев со своим «первоапостольским» отказом от собственности.

Нужен мир, а война в интересах мирового империализма - зло.

То есть Паскаль из рук вон плохо выполнял свои функции. Вместо того чтобы проповедовать милитаризм, он разделял идеи пацифизма. Хуже того; он заявился в дипломатический поезд, стоявший в Вологде, вместе с русским солдатом, который состоял при нем в качестве денщика. Это совсем плохо кончилось, посол не пустил Пьера во французский вагон (был еще британский), заявив:

- Русский в мой вагон не войдет, я этого не допущу.

А Паскаль отказался отправить своего русского спутника восвояси. Это был натуральный саботаж, хотя еще и не разрыв. Но в конце концов, когда в тысяча девятьсот восемнадцатом году французская миссия была отозвана на родину, Пьер остался в России. И пребывал в ней вплоть до марта тридцать третьего года.

Поначалу ему, убежденному католику с коммунистическими взглядами, все очень нравилось.

Он вступил в русскую компартию, потому что большевики подобно помещику Неплюеву отрицали частную собственность, а Паскаль давно уже решил для себя, что марксизм можно просветить христианством (несмотря ни на что, он сохранял эту веру до конца). Как я уже сказал, он участвовал в создании французской большевистской ячейки в России вместе с капитаном Жаком Садулем, который был французским военным атташе в Петрограде и тоже остался в России,

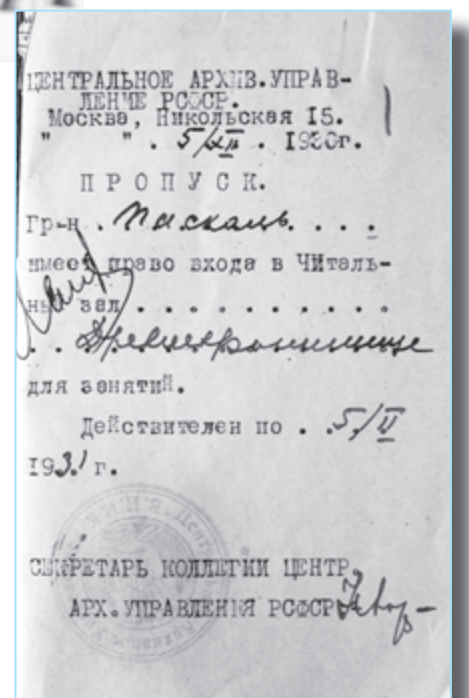
средником. Фернан Порталь рекомендовал молодого Пьера Паскаля, раненного к тому времени при Дарданеллах и лежавшего в больнице.

Паскаля подлечили и отправили в Россию через Архангельск на корабле «Шампань». По-русски звучит забавно, по-ноздравики, верно? Он сначала служил при Могилевской ставке, потом был шифровальщиком в посольстве. Между прочим, получил орден из рук Николая II. Мне он рассказывал, что царь во время церемонии ни одного слова не произнес, потому что был очень застенчив. Не нашелся, что говорить.

Революция 1917 года застала Петра Карловича в России. Военный атташе Франции отправил молодого сотрудника на фронт, чтобы тот убеждал русских солдат и матросов выполнять обязательства перед французскими союзниками. Если бы атташе знал, к каким последствиям это приведет! Паскаль сначала попытался агитировать, произносил зажигательные речи, но однажды прямо перед ним на бочку вскочил другой агитатор, за ним еще, еще, они кричали, что союзники - предатели,

простым солдатом Марселем Води и другими левыми друзьями. Даже возглавил ее.

Забавная деталь: позже они создадут общину в Крыму, где у них все будет общее, станут выращивать редиску на продажу, покупать у соседки-татарина местное вино и вполне серьезно спорить, есть ли у них право пользоваться чужим трудом и нанимать сторожа. С одной стороны, это

Французский большевик

противоречило их принципам, с другой - если не нанять сторожа на зиму, то на следующее лето они ничего не найдут, все будет украдено.

Постепенно взаимное раздражение нарастало, они ссорились по самым разным поводам - когда обсуждали допустимую близость с «чеккой», судьбу арестованных товарищей, печальную участь тысяч французов, застрелявших в Москве из-за революции, голодавших и умолявших помочь им в репатриации...

Но как бы то ни было, ранняя революция стала для Петра Карловича своей. Это звучит и так-то не слишком правдоподобно, но я подчеркиваю: речь не о Феврале, а именно об Октябре, о той самой большевистской революции, которую Солженицын называет переворотом! И не о симпатиях к меньшевикам, а о полноценном союзе с самыми натуральными ленинцами. Как это совмещалось с его глубоким христианством, трудно объяснить. Он же всю свою жизнь ходил на мессу, каждое утро, в том числе в «красной Москве». Пока не закрыли собор Святого Людовика на Малой Лубянке, Пьер был его верным прихожанином, а потом стал посещать православные храмы. И впоследствии очень жалел, что наши католики перешли с латыни на французский язык, он даже ездил через весь Париж, чтобы слушать латинскую мессу.

Объяснение у меня одно-единственное: ему показалось, что апостольские времена вернулись. Что идеология большевиков, марксизм, - это второстепенно. А первостепенно то, что комиссар и домработница получают один и тот же паек. Для него это было как начало Деяний апостолов - любимая книга. А все революционные эксцессы - явление временное, атеистический радикализм будет слабеть, непллюевский идеал абсолютного равенства окажется сильнее классовой борьбы.

Но довольно быстро пришлось ему констатировать, что это не совсем так. Потому что комиссар стал получать другой паек, чем домработница. И окончательно он разочаровался в революции, когда начался НЭП. Пьера поражал и отталкивал цинизм политического выбора: мы

сокрушили прошлое, а теперь возьмем от капитализма и деньги, и неравенство, и вообще все ужасы вашего общества.

Между прочим, был товарищеский суд над ним. Но судили его не за разочарование в ленинской политике, а за религиозные взгляды. Паскаля вызвали секретарь ЦК Елена Стасова и (в будущем) жертва сталинской политики Николай Бухарин, Стасова представляла сторону обвинения, более либеральный Бухарин - сторону защиты.

Она говорила:
- Товарищ Паскаль, мы знаем, что вы каждый день бываете на мессе. И мы требуем от вас объяснений, как вы, коммунист, марксист, може-

те каждое утро ходить на службу к этим мракобесам. Что за поповщина!

Бухарин что-то вяло бормотал в его оправдание. А Паскаль спокойно отвечал:

- Если речь идет об экономике, я марксист. Я принимаю все объяснение Карла Маркса. Но если речь идет о философии, то я томист. Вот Фома Аквинский - мой любимый философ.

Видимо, они решили, что он немножко чокнутый, неопасный чудак.

И оставили его в покое, запретив лишь руководить большевистской ячейкой. Но он больше не мог свободно ходить в Кремль. А раньше,

пока у него была аккредитация, он свободно по вечерам гулял там же, где Ленин, под ручку с женой. Впрочем, много что было раньше. Раньше он вместе с Чичериным ездил на Генуэзскую конференцию, а теперь с трудом нашел убежище в Институте Маркса, Энгельса, Ленина. И то лишь потому, что Суварин, сооснователь Французской компартии, купил архив нашего французского радикала Бабёфа, надо было его разбирать, и это дело поручили Пьеру Паскалю. Он честно выполнял свою работу, но она его мало интересовала. Ну Бабёф, ну типичные революционные рассуждения, стоило ради этого менять страну.

И тут он открыл для себя Аввакума. Случайно прочел и влюбился. Это стало его третьей влюбленностью в Россию. Первая - русский язык. Вторая - русская революция. А третья - русский страстный протопоп.

И вместо радикального Бабёфа Петр Карлович стал заниматься опальным проповедником, впрочем, тоже в некотором смысле революционером. Трудно представить фигуру, более подходящую для Паскаля, чем этот протопоп. Бунтарь и консерватор, сокрушитель устоев и строитель Царства Божьего. И своего рода выход из абсолютного жизненного тупика. Влюбившись в нового героя, Пьер начал изучать архивы, прочел все, что только мог, поехал по раскольничьим скитам Заволжья...

Это спасало его от депрессии, он все яснее понимал, что большевистская революция дала не те плоды, о которых он мечтал, что это преданная революция. Язвительно отзывался об Анри Барбюсе, которого обхажива-

ет власть. С ужасом наблюдал за участью знакомых, гибнущих под гнетом большевистской Директории. Возможно, если бы не жена, он не принял бы спасительную французскую визу (и отдельную визу на выезд из СССР), которую выбил Эмиль Эррио, наш знаменитый левый премьер-министр. Но жена как следует струхнула, надавила на мужа, и они двинулись в марте тридцать третьего года. Конечно, вовремя, даже, можно сказать, в последнюю минуту. Чистки были прямо для него готовы.

Во Франции ему были рады далеко не все, как минимум не встретили с распростертыми объятиями. Прошло четыре года, прежде чем он смог вернуться на государственную службу, то есть начать преподавать в университете; ему предстояло «очиститься», снять обвинения. Помог генерал Гурно, военный комендант Парижа, закрывший «дело Паскаля» на том основании, что Франция и Советский Союз никогда не находились в состоянии объявленной войны, значит, никакой измены не было.

А по ту, советскую, границу он считался, конечно, врагом, хотя на самом деле был главным другом России. Его тянуло к русским эмигрантам, со многими он дружил, даже был возведен в чин протопоба Обезьянней Великой и Вольной Палаты Ремизова... И, как мог, следовал первоапостольским принципам в жизни. Своим любимым ученикам Петр Карлович постоянно говорил:

- Я зарабатываю слишком много денег. Если вам нужны деньги - вот вам. Вы вернете мне, когда сможете.

Так, спустя годы он помог мне купить первую квартиру под Парижем, в Пари-ан-Ле, недалеко от университета Нантер, где я какое-то время работал. Мы жили на последнем этаже, окна выходили во внутренний садик, и можно было следить за коляской, в которой спала наша маленькая дочь Анн...

Ночной бегун

Отрывок из рассказа

Американка Кристен РУПЕНЬЯН буквально проснулась знаменитой после публикации в декабре 2017 года в журнале The New Yorker своего рассказа Cat Person («Кошатник»), который стал одним из самых популярных материалов издания за год.

Спустя месяц после столь яркого дебюта Рупеньян получила аванс в 1,2 млн долларов за сборник рассказов «Ты знаешь, чего ты хочешь», который выходит в России почти одновременно с англоязычной версией.

В литературном номере «Учительской газеты» - отрывок из вошедшего в сборник рассказа «Ночной бегун», который, по словам Кристен, и дал старт ее литературному творчеству.

Кристен РУПЕНЬЯН

Девочки в шестом классе были ужасные, и все это знали. У каждого учителя в младшей школе Бутулы для девочек была своя история про шестиклассниц: как они заперли учительницу на ночь в мужском туалете; как устроили в школе сидячую забастовку, когда их десять дней подряд кормили гитери; и тот случай с козой в кладовке. Когда учителя узнали, что волонтера американского Корпуса мира Аарона отправили в шестой класс, они стали бросать на него сочувственные взгляды в коридоре, а одна учительница из молодых так его жалела, что, говоря с коллегами в столовой о его беде, даже расплакалась.

Но когда Аарон спросил ее, как справляться с девочками, она обреченно вздохнула и ответила только: - Сэтими не справишься. Они одержимы дьяволом, и единственное, что можно сделать...

Она взмахнула в воздухе рукой, показывая.

Шлеп.

Все в школе отбыли свой срок в шестом классе.

Но из всех временных учителей только Аарон не решался вытащить их на улицу и выпороть шнуром по

нежным лодыжкам. В результате он не мог даже на секунду отвернуться к доске и что-то написать («ВИЧ передается следующим образом...»), чтобы бесконечные издевки девочек не вскипали, превращаясь в неуправляемый хаос.

Девочки передразнивали его голос, стоило ему заговорить, пищали высоко и в нос. Они швырялись в него всякой всячиной: не только мелом, но и жеваными бумажками, кочерыжками от кукурузы, кнопками и зеленоватыми шариками из соплей. Однажды, когда он задал им упражнения, Рода Кудондо подошла к его столу и бросила ему тетрадь в лицо, бормоча что-то на тягучей невнятице, призванной изобразить его тexasский говор. Класс взорвался от смеха, и Аарон, ничего не понимая, велел ей сесть на место. Но она только повторила то, что сказала, глубоко засунув указательный палец в рот и тыча им в щеку изнутри, так что та оттопырилась.

Потом как-то влажным декабрьским днем Линнет Одури шла за Аароном от школьных ворот до самого его дома, всю дорогу мяукая, как кошка. Линнет была в шестом классе самой маленькой, хорошенькая, с тонкими косточками, как птичка, в честь которой ее называли. До тех пор она была у Аарона в любимицах, он хвалил ее при первой возможности, показывая ее весьма посредственные работы остальным в качестве примера, - незаслуженный, случайный фаворитизм, за который она в тот день странно, но очень действенно отомстила.

- Все из-за твоих глаз, - сказала Аарону в тот вечер его подруга Грейс, когда он рассказал, как с ним обошлась Линнет и с какой готовностью к ней присоединялись другие дети, которых они встретили по дороге, пока вокруг него не собралась толпа детей, выкрикивавшая дружелюбно: «Мяу, мяу!»

- У тебя глаза, как у кошки, цветом, - продолжала Грейс, как будто это было совершенно очевидно.

Аарон подумал, что у Грейс глаза куда больше похожи на кошачьи, чем у него, потому что у него-то глаза были ничем не примечательные, голубые. Грейс была местная, из лухья, у нее глаза были карие, конечно, но их уголки по-ведьмински поднимались вверх, и глаза были чуть нависшие, так что, когда Аарон смотрел на нее в профиль, ему была отчетливо вид-

ная линза ее зрачка, как готовая перелиться через край вода.

Грейс взяла Аарона под крыло в первую неделю его пребывания в деревне, как-то пришла к его двери с теплой колой и сожженной чапаты в качестве подношения. Грейс с ее прыщами на лбу, широкой улыбкой, обнажавшей темные десны, и презрительной раскованной повадкой легко вписалась бы в шестой класс, хотя ей было девятнадцать, куда больше, чем любой из тамошних девочек. В самом начале она спросила Аарона, откуда именно в Америке он родом, и, когда он ответил, спокойно отозвалась:

- А я думала, все техасцы такие большие, похожи на ковбоев, а ты небольшой. Ты просто... обычный.

Грейс училась в Бутуле несколько лет назад и на все его истории о том, что творится в школе, отвечала упрямым отказом верить в то, что он может ей рассказать что-то, чего она и так не знает.

Как только темнело, Грейс прокрадывалась в тесный, пахший кислотной дом Аарона, каждым неглубоким вдохом давая понять, что страдает и что проводить время в такой дыре недостойно их обоих. Однажды она решилась и спросила его:

- Зачем ты приехал из самого Техаса, чтобы жить в таком маленьком-маленьком доме? Ты что, не знаешь, что даже у школьной поварахи дом лучше твоего?

Аарон сообщил ей, что он волонтер, что дом ему предоставила школа, и поэтому он ничего поделывать не может, хотя на самом деле он начал изо всех сил жаловаться на условия начальству из Корпуса мира, едва приехал. Вообще, когда он первый раз шагнул через порог, на него обрушился с дверного карниза дождь из засохшего помета летучих мышей, а потом он обнаружил высохший трупик одной из виновниц, похожий на кусок запекшейся бурой грязи, застрявший за неподключенной плитой.

Несмотря на явную неприязнь к его жилищу, Грейс частенько задерживалась за полночь, грызя костяшки пальцев и глядя на Аарона поверх освещенного фонарем стола. Аарон подозревал, что она рано или поздно

предложит ему себя, и много времени провел, обдумывая, как ответить, но пока она этого не сделала; в конце вечера она всего лишь поднималась, зевала и запросто поправляла лямку лифчика, выскользнувшую из-под плеча платья.

Однако в ночь после происшествия с мяуканьем Аарон проводил Грейс до края своего двора и замешкался. Поддавшись порыву, он протянул к ней руку, но, вместо того чтобы податься, она сняла его руку со своей талии, вернула ее на место и рассмеялась Аарону в лицо.

- Очень плохо, - поддразнила она его, качая пальцем у него перед носом.

Теперь Аарону предстояло включить и эту неловкость в перечень унижений, из-за которых он не спал ночами, глядя в потолок и опасаясь прихода утра.

Вскоре после того, как Аарон наконец заснул, его разбудил стук в дверь. Фонарь погас, так что он на ощупь выпутался из-под москитной сетки и, спотыкаясь, побрел в темноте к двери.

- Иду! - крикнул он, но стук продолжался.

Посетитель был так настойчив, что Аарон подумал, не случилось ли что вроде нападения террористов или вторжения повстанцев и не прибыли ли из Корпуса мира, чтобы перевезти его вертолетом в безопасное место. Возможность эта одновременно пугала и волновала, но, когда Аарон наконец отпер дверь, за ней никого не было.

Он в замешательстве вышел во двор. Ночной воздух пах углем и навозом, от прохлады у Аарона побежали по коже мурашки. Последний стук раздался всего за пару секунд до того, как он открыл дверь; казалось, у стучавшего просто не было времени убежать. Но в тусклом свете луны Аарон видел, что двор пуст, ворота на засове и вокруг все спокойно.

- Эй? - позвал он, но не услышал в ответ ничего, кроме собственного тяжелого дыхания.

Он вернулся в дом, снова запер дверь и поправил москитную сетку, аккуратно заправив ее под углы матраса, но, едва укрылся, в дверь снова застучали. Он трижды подбежал к двери и распахивал ее, но никого не увидел. Однажды он тихо вышел через заднюю дверь и попытался прокрасться вокруг дома, чтобы поймать своего мучителя на месте преступления, но едва он вышел наружу, стук умолк. Он вернулся в дом и сел, прислонившись к стене, стараясь не поддаваться панике. Тогда-то стук и начался вновь, в железную дверь колотили оглушительно громко.

- Уходи! - крикнул Аарон, зажимая уши ладонями. - Уходи! Тока хара! Уходи!

Но стук - сводивший его с ума, невозможный, отупляющий - так и не дал ему в ту ночь уснуть.

На рассвете, когда у Аарона от бессонной ночи горели глаза и путались мысли, за дверью наконец утихло. Думая, не оставил ли его мучитель каких-то следов, которые можно различить при дневном свете, Аарон, спотыкаясь, вышел наружу, но увидел только дымящуюся кучу дерьма посреди своей веранды.

От ее свежей вони его затошнило. Он уткнулся носом в сгиб локтя, забежал обратно в дом и захлопнул

дверь, но даже так мог поклясться, что чувствует запах. Потом, выпив для храбрости две бутылки теплого пива, он собрал испражнения газетой, чувствуя тепло сквозь тонкие страницы, вытянув руку, пробежал через двор и выбросил сверток поверх стены на улицу.

Аарон понимал, что если в тот день не пойдет в школу, то потеряет все шансы на усмирение шестого класса, но не смог себя заставить. Он лежал на диване, потел, накрыв лицо одеялом, и пытался выбрать наиболее вероятного подозреваемого в ночном нападении. Хрупкая мяукающая Линнет? Вульгарная Рода Кудондо? Или кто-то менее очевидный, вроде хорошенькой Мерси Акиньи, которая как-то сдала экзаменационное задание на листе, исписанном сплошь словами «Я люблю Мозеса Оджу»? Может, это была Милсент Набвире, которая на прошлой неделе подняла руку посреди урока и спросила:

- Mwalimu, а это правда... правда... это правда, что... wazungu... это правда, что... а потом, заикаясь, выпалила: - Mwalimu, ni kweli wazungu hutomba wanyama?

Пытаясь скрыть, что медленно переводит, Аарон притворился, что задумался над вопросом, хмуря брови и морща лоб, и только когда наконец понял, о чем его спросили («Учитель, это правда, что белые люди любят животных?»), осознал, как подставился под ее шутку.

Или, может быть, это Анастейжа Оденго, одна из многих сирот в классе, которая вела дом с пятью младшими братьями и сестрами? Она так редко появлялась в школе, что он с трудом вспоминал ее лицо, хотя временами встречался с ней в деревне, и виду нее был усталый и замученный, на голове она несла корзину с покупками, а за ее юбку цеплялся ребенок. Однажды он предложил заплатить за пару луковиц, которые она покупала на рынке, сказал, что надеется, что она когда-нибудь сможет вернуться в школу. Она приняла несколько шиллингов, которые он ей протянул, потом показала на его iPod и сказала на суахили что-то, чего он не понял.

- Чтобы слушать музыку, - сказал он по-английски, тщательно выговаривая каждое слово. - Я люблю слушать музыку.

У него часто просили что-то из вещей, но его это всегда смущало.

- Нет, Анастейжа, - сказал он ей, - извини.

- Хорошо, - ответила она; шикнула на ребенка, который начал плакать у нее на руках. - Может быть, потом. Спасибо за лук, Mwalimu. До свидания.

Он прошел уже полпути до дома, когда ему в голову пришла удруча-

ющая мысль, что она могла просить iPod не в подарок, а просто послушать.

Да, это могла быть Линнет, или Рода, или Мерси, или Милсент, или Анастейжа... а могла быть и Стелла Хасенье, или Сарафина Вечули, или Вероника Бараса, или Анджелин Атиено, или Бриджит Таабу, или Пьюрити Аньянгго, или Виолета Адьямбо. Правда в том, что это могла быть любая из них, потому что они все его ненавидели, все до единой.

Директор пришел к Аарону после полудня, и тот сказал, что заболел. Директор предупредил Аарона об

Аарон как-то упоминал, что восемь недель занимался на подготовительных курсах Корпуса мира, прежде чем отправиться в Бутулу, и с тех пор у него сложилось ощущение, что Грейс думает, будто он несколько месяцев провел за партой, пока ему преподавали в малейших подробностях особенности жизни в Кении, от того, как правильно приветствовать дедушку, до того, как резать манго. Она изумлялась даже при самых незначительных его ошибках, а иногда прямо-таки оскорблялась из-за того, насколько эти воображаемые преподаватели его подвели.

сверхъестественном - одна была про мужчину, которого так проклинали, что он каждый раз, когда мочился, кричал петухом; еще одна - про ведьму, которая наложила заклятие на пару, изменявшую супругам, так, что их заклинило, когда они занимались сексом, и их пришлось везти в больницу, чтобы их разделил хирург, но это всегда казалось скорее поддразниванием, как будто она знала, что он ей не поверит, и провоцировала, чтобы он стал ей возражать. Но в существовании ночных бегунов она, похоже, была совершенно уверена. Нет, они были не духами, обычными людьми,

- Грейс! - воскликнул Аарон, разражаясь фыркающим смехом. - Это не смешно!

Грейс хлопнула ладонью по столу и выкрикнула:

- Нет! Это смешно. Твоя беда в том, что ты слишком серьезный. «О нет, на меня мяукает ребенок!» «О нет, кто-то стучится ко мне ночью!» В мире есть вещи похуже мяуканья. У тебя свои проблемы - это что, значит, что смеяться нельзя?

- Я просто думаю, что ты могла бы отнестись ко мне и с большим сочувствием, - мрачно сказал Аарон, допивая колу.

На следующее утро, набравшись сил за восемь часов сна, Аарон решил отважиться на вылазку в школу. Вместо того чтобы пойти к себе в класс, он, однако, явился в кабинет директора. Директор сидел, закинув ноги на стол, на подошве его башмака чернела прилипшая жевательная резинка.

- Mwalimu, Аарон! - воскликнул директор. - Как ваша малярия?

- Это была не малярия, - ответил Аарон. - И мне намного лучше. Но мне нужно поговорить с вами о девочках из шестого класса. Их поведение вышло за все рамки.

Директор качался на стуле, а Аарон перечислял все прегрешения шестиклассниц. Они кидались в него разными вещами. Они его поддразнивали. Задавали вульгарные вопросы, отказывались делать задание. Не выказывали ему должного уважения. Когда Аарон рассказал о том, как мяукала Линнет, директор начал хмуриться, но, когда описал нападение на свой дом, директор со стуком опустил передние ножки стула на пол.

- Нет! - объявил директор. - Это переходит все границы. Разве можно уснуть, когда над тобой так издеваются? Кто-то пришел к вашей двери и колотил и колотил всю ночь!

Аарон хотел согласиться, но, прежде чем он успел что-то произнести, директор продолжил:

- И это не просто неприятность, нет! Это очень серьезная проблема нашего общества, этот отвратительный обычай ночной беготни!

Аарон осел на стуле, а директор широко улыбнулся, показывая полный рот влажных блестящих зубов. Взял Аарона за плечо.

- Друг мой. Если вы хотите, чтобы в классе была дисциплина, ее нужно привить! В следующий раз, когда какая-нибудь маленькая девочка станет на вас мяукать, - шлеп! - он хлестнул по воздуху газетой. - Сделайте так, и, думаю, ночные бегуны вас оставят в покое.

Аарон, разбитый наголову, вернулся в свой класс. В любой другой день девочки в его отсутствие стали бы беситься, но сегодня они чинно сидели за партами, составив пятки вместе и сложив перед собой руки. Сотня глаз следила за ним, пока он шел от двери. Прочистив горло и изговорившись говорить, он на мгновение позволил себе надеяться. «Может быть, все кончилось. Может быть, они наконец поняли, что слишком далеко зашли».

- Добрый день, девочки, - подал реплику классу Аарон.

Воздух наполнился шарканьем и скрипом парт, потому что шестиклассницы, все до единой, поднялись его поприветствовать.

- Мяу!

- Ночные бегуны у нас, лухия, встречаются часто, - сказала она ему. - Они очень много бед причиняют, когда бегают повсюду голышом.

Возможно, вытаращенные глаза Аарона ее вдохновили, потому что она понизила голос так, что он зазвучал почти по-мужски, сдвинула брови и устроила из объяснения целое представление.

- Они приходят, бум-бум-бум, и шумят вот так, - она постучала кулаком по воздуху, - и трутся своими ninis по твоей стене, - она оттопырила попу и показала. - А если тебе очень не повезет, оставят подарочек.

Она хихикнула и с чувством заключила:

- Да! Вот такие они, ночные бегуны.

Остаток вечера Аарон пытался выудить из Грейс признание, что она все это выдумала. Она и раньше рассказывала ему дикие истории о

опасности малярии и предложил послать кого-нибудь из детей за панadolом, но Аарон вежливо отказался и забрался обратно в постель. Позже, в обычное свое время, пришла Грейс, и он, одинокий и трясущийся, пригласил ее внутрь.

- Что с тобой? - спросила она, едва его увидев.

Он рассказал ей урезанную версию ночных событий, но заставить себя признать, что кто-то нагадил у него на веранде, не смог. Как и вульгарное предложение Роды, это непотребство почему-то заставляло его стыдиться, его, жертву, больше, чем того, кто все это натворил. Он ожидал, что Грейс ему не поверит, когда рассказывал, что стук не давал ему спать до рассвета, ему и самому в это не верилось, но, когда закончил историю, пытаясь не выставить себя на посмешище, она только кивнула и со знанием дела заметила:

- А, это ночной бегун.

- Ночной бегун? - эхом отозвался он.

- Вы на курсах в Корпусе мира не учили про ночных бегунов?

Выпускница Литературного института имени Горького Алиса ГАНИЕВА все делает по-своему. Оригинально она вошла и в большую литературу, выиграв премию «Дебют» под мужским псевдонимом Гулла Хирачев. Вслед за повестью «Салам тебе, Далгат!» последовали романы «Праздничная гора», «Жених и невеста», «Оскорбленные чувства», биография Лили Брик в известной серии «ЖЗЛ», премии и переводы на иностранные языки. Дошло до того, что британская газета The Guardian включила Ганиеву в рейтинг самых влиятельных москвичей. Алиса - человек неравнодушный. Она готова отстаивать свою правду не только в текстах и в интервью, но даже на митингах, пикетах, шествиях. Смелая, яркая, талантливая, она, кажется, была обречена на успех. Специально для литературного номера «Учительской газеты» Алиса написала рассказ о некоторых эпизодах детства.

Алиса ГАНИЕВА

Мне было лет восемь, лето после второго класса. Разбитый советский пансионат, стрекот цикад, я на пляже рядом с шумной группой молодых людей - это какие-то знакомые знакомых родителей. Для меня они, конечно, все тетечки и дядечки. Один из них взрезает сочащийся арбуз и расспрашивает меня про школу.

- Кто твоя учительница?
- Валентина Ивановна, - отвечаю я.
- О-о-о! - кричит от восторга мой собеседник. - Валентина Ивановна!

Она брала самые лучшие классы, первые параллели - от неуспевающих из бедных семей старалась избавляться.

Я ее очень боялась. Все боялись. Но была в ней, безусловно, искорка.

До сих пор помню, как она учила нас писать прописную «Д» как историю девочки, которая зашла в дубраву и повстречала дерево, словом, там было все на букву «д». Сначала девочка тропинка шла прямо-прямо, а потом ветер поднял ее, завертел петлей ну и так далее. Помню и урок про недержание мочи. Валентиша нарисовала на доске целую схему мочеполовой системы - фигуру в разрезе - и объяснила, почему так важно бежать в туалет, как только приспичит. И мыть руки после. Помню, как она брезгливо морщилась, поминая торговков на рынке.

- Они же правой рукой подмываются, а потом этими же руками хватают яблоки!

И мясо. Однажды на уроке она долго рассказывала про то, как правильно варить мясо. Мол, ваши мамы зачем-то убирают из бульона пену, а в пене все самое полезное. И все эти впечатляющие знания помимо учебной программы, в которой она была спец.

Так вот, Валентина Ивановна периодически жила у своих учеников. Разумеется, выбирались не всякие, а побогаче. В девятые таких развелось немало. Трехэтажные виллы, кованые ворота. В этих замках росло новое семя, которое требовалось взращивать. И тут на сцену вступала учительница. Вторая мама. Она как-то умела себя поставить, перед ней трепетали люди значительные, кор-

ях. И получает за это дивиденды, пособия и бесплатные путевки в санатории. Ее дочь сама показывала мне эту справку.

Итак, Валентина Ивановна коротала вечера в хоромах учеников, а дочку сплавляла к нам. Дело нехитрое, ведь они оказались жильцами соседнего дома. Открылось это неожиданно.

Мы только переехали на новое место и возвращались откуда-то с мамой домой, и вдруг навстречу Валентина Ивановна с дочкой, моей одноклассницей. Эмоции меня перехлестнули. Первая учительница! Державный деспот. Авторитет. И вдруг запросто шагает рядом с нами прогулочным шагом.

Я вас научу

Рассказ

- А пойдете к вам «Санта-Барбару» смотреть, - предложила она.

Мама стала что-то мямлить про поздний час. «Санта-Барбару» у нас никто не смотрел, я и подавно. Но Валентина Ивановна все-таки прорвалась в гости и с тех пор постоянно оставляла на нас свою дочку. Одну

но, но у Валентиши поставленное с каким-то античным размахом. Поднимался какой-нибудь несчастный ребенок - совсем не обязательно двоичник - и обливался грязью, а вместе с ним и его семья.

Валентина Ивановна подтрунивала, оскорбляла, издевалась, кричала, подстегивала зрителей, и весь класс упоительно хохотал, поддерживал, злорадствовал.

Впрочем, ученик, против которого была развязана травля, мог запросто вернуться в ее расположение. Зависело это обычно от поведения его родителей. Угодили ей - и все хорошо. Не угодили - и пошло-поехало. Многие стерлись из памяти, но помню, как втаптывали в грязь в чем-то провинившуюся девочку.

- Вы посмотрите на ее воротник! - восклицала Валентина Ивановна, задирая широкий воротник девоч-

вернута наизнанку. Якобы я ни с того ни с сего напала на девочек. И только потом они обозвали меня психбольной. Разбору этого идиотского скандала посвятили весь урок, и я была в такой крошечной агонии, что даже не смела настаивать на правде.

И дочку свою Валентина Ивановна не щадила. Как-то раз во время урока она потребовала у той отчитаться о своем домашнем задании. А жила эта дочка опять у кого-то из класса и задание не сделала, о чем попыталась соврать. Тогда Валентина Ивановна подозвала врушку к своему столу, велела раскрыть тетрадь и, увидев, что выполненных упражнений там нет, врезала несчастной со всего маху по лицу, а потом еще и еще. Избивала и приговаривала:

- Дебилка! Врет она мне еще! Скотина!

Сцена была позорнейшая. Учительница дочка вернулась за парту, плача навзрыд. Соседа ее, чистенького мальчику, на которого дома никогда не повышали голос, била крупной дрожью.

ки так, чтобы видел весь класс. - Да у меня дома половые тряпки чище, чем твой воротник!

Класс взрывался хохотом, и потом на перемене многие повторяли девочке эту остроту.

- Я тебя из ямы вытащил, а ты неблагодарное ничтожество! - внушала она другой ученице.

И потом на перемене девочки подходили к несчастной и цокали языком:

- Валентина Ивановна тебя из ямы вытащила, а ты...

На мою долю тоже выпали аутодафе. Одно из них было прямо связано с коррупцией. Валентина Ивановна ко всем набивалась в репетиторы. Даже к отличникам. Это была хитрая взяточническая стратегия. Мама моя от этих услуг отлынивала, и все как-то сходило с рук, но однажды перед контрольной по математике Валентина Ивановна внезапно нагрянула к нам. Готовиться. Хотя ее, собственно, никто не просил. А меня, как назло, не было дома, я пошла проведать двоюродных сестер. Не дождавись меня и уйдя несолоно хлебавши, Валентина Ивановна на следующий день разразилась мстостью. Подняла меня при всем классе и железным голосом заинтересовалась, чем же, интересно, мы сегодня завтракали. А дочка ее на тот момент все еще жила и соответственно питалась у нас.

- Чай, хлеб с маслом... - ответила я, дрожа всем телом. В голове у меня все поплыло от ужаса. Я знала, что сейчас начнется казнь, и ничего не могла вспомнить.

- Творог, - мучительно добавила я.
- Чай! - вскричала она. - Моего ребенка чаем морите!

И понеслось.

- Что ты ручки-то сложила, как святоша? Что ты корчишь из себя паиньку! Доверила им ребенка, а они его чаем... Я, заслуженный учитель, пришла к ней заниматься, а она гуляет! Гуляет она!

Травма у меня осталась на всю жизнь.

А в другой раз она сказала, что у меня походка, как у психической, и под влиянием этих слов ее дочка вместе с девочкой, руганной за воротник, стали после уроков хором кричать мне: «Психбольная! Психбольная!» Я погналась за ними и, поймав, ударила каждую портфелем по голове. История была впоследствии вы-

В общем, начальная школа из-за Валентины Ивановны была сплошной болью. И скрашивали эту ядовитую скорбь только двое: художник Сергей Николаевич, который рассказывал нам, что любой карандаш - волшебный, и физкультурница Фаиза Семеновна, которая только и делала, что балагурила. Они были, что называется, добрые. А Валентина Ивановна была злая.

Вот небольшая история.

Новогодний утренник в первом классе. Избранные задействованы в номерах и постановках, изгой (и я в том числе) к празднику никак не привлечены.

Я к такому положению привыкла еще с детства, где воспитательница упрямо не давала мне слов ни на один утренник, и я каждый раз учила стихи по своему почину и буквально тараном или бочком протискивалась в программу. Так и в начальной школе. Ни одной роли, ни одной строчки от Валентины Ивановны мне не перепало. И стишок Есенина про «стозвон сосняка» декламировала самовыдвиженцем. Была там еще одна изгойка, проявившая инициативу. Бабушка с мамой шили ей костюм Красной Шапочки.

Костюм был отличный, они в него явно вложили душу. Пришли радостные, воодушевленные, девочка нарядилась в платье со шнуровкой, нахлобучила яркую красную шапочку. И тут - о ужас! - оказалось, что дочка учительницы тоже Красная Шапочка. Только официальная, санкционированная. Увидев неожиданную соперницу собственной дочке, Валентина Ивановна взбеленилась и поступила, точно как московская мэрия. Независимую Красную Шапочку на праздник не допустила и костюмчик заставила снять. Рев в классе стоял страшный. В класс пришел почтальон, раздал нам печенья в виде огромных букв, мне досталась буква «а». Все веселились, водили хороводы, а свергнутая Красная Шапочка шмыгала красным опухшим носом. Валентина Ивановна вообще ее недолюбливала. На наш выпускной в третьем классе мама принесла полароид. Рассматривая потом поларо-

Передай ей, что я никогда не забуду ту ночь, которую я с нею провел!

На него шикают: «Здесь ребенок!», а я не знаю, как реагировать и что это значит. Потом выясняется, что мужчина этот тоже учился у Валентины Ивановны, и она, как это было у нее принято, навязалась к нему домой приживалкой. И однажды даже переночевала с ним в одной кровати.

Да, Валентина Ивановна была очень хорошим учителем и жутким человеком.

мили, поили и одаряли. «У меня связи», - приговаривала Валентина Ивановна, страшно напоминая Золушкину мачеху из шварцевского фильма.

Выпячивалось и то, что она мать-одиночка. Дочка ее училась в нашем классе и, пожалуй, страдала от маминной тирании гораздо больше нашего, но была связана чувством вины. Ведь мама вырастила ее одна, периодически намекая, что дочка-то не настоящая, а приемная. Злые языки судачили, что дочка на самом деле родная, но Валентина Ивановна справляла себе фальшивый документ об удочерении дочери «афганца», павшего в бо-

зиму та и вовсе прожила со мной в одной комнате. Отношения у нас были сложные, с червоточинкой. Ближе у меня в классе никого не было, но и подругами мы не считались. Ссорились в пух и прах. Правда, и веселились тоже. Уж с ней было о чем порасуждать - и о книжках, и о призраках. Плохому она меня тоже учила. От нее я узнала словечко «трахать», но что конкретно это означает, так тогда и не поняла.

Мама этой моей внезапной приемной сестры, то бишь наша учительница, обожала публично унижать детей. Дело в наших школах привыч-

идные снимки с того дня, Валентина Ивановна громко крикнула:

- Ну у всех милые, симпатичные лица, а эта... - и она указала пальцем на Шапочку-недопущенку, - уродуридом!

Вот это «урод уродом», сказанное взрослым человеком о ребенке, уже тогда меня пронзило невероятно.

Ах, какое же счастье охватило меня в пятом классе, когда я избавилась от Валентины Ивановны! В первый день учебного года наша классная спросила, не хочет ли кто прочитать стихи. Я прочитала «Только детские книги читать» Мандельштама. Только мне почему-то все

время хотелось называть его Мандельштампом, с буквой «п». Классная пришла в восторг, схватила меня за руку и повела в учительскую, где меня заставили снова декламировать, и я произвела фурор. Валентина Ивановна на этом уроке заглянула к нам в класс, дескать, как там

мои дети. И классная поделилась своими восторгами:

- У вас в классе, оказывается, такие чтецы! А вы мне не говорили!

Валентину Ивановну аж передернуло. Очень ей не понравилось, что меня похвалили.

Впрочем, она тоже умела меня хва-

лить. И даже удостоила похвальной грамоты.

Мало того, спустя пятнадцать лет она явилась на мою свадьбу.

Свадьба была почти настоящая, эдакий брак-транзит, который давно и мирно закончился.

И вот на эту свадьбу, на которой не было ни свадебного платья, ни фаты, а только живая музыка, явилась незваная гостья.

- Пригласи мою маму, - попросила моя одноклассница. - А то она страшно обидится и съест меня спотрохами.

- Но я не могу, - оправдывалась я, - мест нет.

- А она все равно не придет, - заверила меня одноклассница. - Это будет формальное приглашение, чисто из вежливости.

Трубка была передана Валентише, и я пробормотала ей что-то корявое. Вроде того что дочь ее приглашена, и я бы и ее позвала, если бы ей это было интересно. Но интереса тут быть не может, посиделка будет крошечная, так что...

Но Валентина Ивановна явилась. Мой кузен, который тоже у нее когда-то учился, при виде своей мучительницы даже побледнел от испуга. Валентиша сразу заняла место рядом с матерью жениха. Сразу попросила слово и минут пять говорила вещи мучительные, стыдные. Про высокие показатели школы, сдачу ЕГЭ, республиканское первенство. А под конец воскликнула:

- Давайте лезгинку! Вы танцевать не умеете, я вас сейчас научу!

И поплыла в танце:

- А без меня бы остались без лезгинки!

Без лезгинки никто все равно не остался бы, куда без лезгинки, но Валентина Ивановна добавила шоу изюминки. Все-таки она была неповторимой.

Саша КРУГОСВЕТОВ - литературный псевдоним российского ученого и изобретателя Льва Лапкина, автора многочисленных романов, повестей и рассказов, лауреата различных литературных премий. Особое внимание литературного сообщества привлек вышедший в прошлом году двухтомник Кругосветова «Цветные сны», в котором лирический герой искал себя настоящего. В рассказе «Зашитые», написанном специально для литературного номера «Учительской газеты», Саша Кругосветов показывает себя как остросоциальный автор, на бытовом сюжете умело обыгрывая взаимоотношения общества и власти.

Саша КРУГОСВЕТОВ

Владимир Иванович Меклин весьма трепетно относился к своему здоровью, в особенности к состоянию зубов. К своим пятидесяти восьми он сохранил собственные зубы, но один из них был на грани - качался, имел несколько сколов, пломба выпала, эмаль потемнела, врач из районной поликлиники посчитал, что лечить бесполезно, и рекомендовал его решительное удаление.

Первое удаление - Владимир Иванович посчитал, что этому мероприятию следует уделить самое серьезное внимание. Он обратился к своему соученику по институту Бобу Стоцкому, который был старше его на два года, поменял на импланты зубы обеих челюстей, да и вообще был по жизни очень опытным и весьма пронырливым, попадал в сотни переделок и в конце концов всегда выходил сухим из воды.

- Смотри только, Володька, чтобы инфекция не распространилась потом на все остальное, - авторитетно заявил ему Боб.

- Я лечусь в районной поликлинике при Первом меде, - ответил ему Меклин. - К тому же - Абрам Соломонович, сам знаешь: евреи - врачи от Бога!

- Если Абрам Соломонович такой чудесный врач, почему он не смог сохранить твой зуб? Во что это тебе обходится? Бесплатно?

Ну, мой друг, не хочу тебя обидеть, но ты не настолько богат, чтобы лечить зубы в бесплатной поликлинике.

- Я ходил на консультацию в дорожную стоматологию - «Шмеди» на Невском - и попал к самому Бадри Пчелидзе, он тоже сказал: «Надо рвать!»

- Ну, так иди к Чхеидзе!
- К Пчелидзе... Он мне не понравился: все время рассказывал, как ему важно сбросить сорок кило и сколько времени проводит в тренажерном зале...

- Во-во! Знаю я Чхеидзе: из-за этого спортзала у него руки дрожат и в глазах двоится. А может, и не от спортзала, а из-за чего другого? Дело серьезное - не надо бы тебе идти таким путем. У меня тоже все начиналось с самого первого зуба, и вот, видишь, каков результат!

- Что же мне делать? - растерянно спросил Владимир Иванович.

- Я знаю один очень хороший кабинет. Там работают свои люди, у них особые отношения с клиентами. И, кстати, там очень недорого.

- Скажи название, я по Инету посмотрю условия, тарифы, а заодно и отзывы посетителей.

- Ничего не получится, - ответил Боб. - Их нет в справочниках и поисковиках. Принимают только по личным рекомендациям. Что, я не могу помочь однокашнику? Вот телефон - запишись на прием, скажи - от Бориса Ильича: Стоцкого все знают.

Октябрьским утром, проведя в электричке три с половиной часа, Владимир Иванович сошел в старинном провинциальном городке, в котором и располагалась эта таинственная стоматологическая клиника без названия. Он надеялся, что здесь работают первоклассные специалисты, иначе Стоцкий не рекомендовал бы приехать сюда. Меклин чувствовал легкое волнение, першение в горле и даже озноб. Он издал увидал клинику - узнал по фотографии, которую дал Стоцкий.

На скамейках сидели люди разного возраста, выражение их лиц было безмятежным. Единственное, что удивило Владимира Ивановича: эти то ли отдыхающие, то ли посетители были абсолютно неподвижны.

Меклин подошел к одному из них, прислушался - дыхания не слышно. Он поднес мобильник к его лицу: на стекле дисплея выступила едва заметная испарина - вроде не дышит, но

Зашитые

Рассказ

все-таки еще живой, кажется! В другой ситуации Владимир Иванович искренне удивился бы и стал искать объяснение этому странному явлению, но сейчас ему было не до этого. Сейчас он должен оставаться в отличной форме и быть очень внимательным, чтобы не допустить какого-то неверного решения и не позволить персоналу клиники совершить не санкционированные им действия.

На ресепшн его приняла очаровательная молодая женщина, заполнила необходимые документы и предложила подождать - врач скоро освободится и примет его. Приемная клиники ему понравилась: светлая современная мебель, чистенькие обои, деревянные кресла с пестрой обивкой. Из окна открывался вид на один из живописных уголков города. Все здесь дышало гостеприимством, внушало спокойствие и вселяло надежду на будущую счастливую жизнь. Меклин сел в мягкое кресло, молоденькая медсестра подбежала и включила ему стоящий рядом торшер.

Владимир Иванович принялся читать привезенную с собой книгу «Молчание ягнят».

Вскоре его пригласили в кабинет. Врач-хирург тоже ему понравился: веселый, кругленький, с крепкими руками, он производил впечатление душевно и физически необыкновенно здорового человека. Такой же кругленькой и милой была его ассистентка.

- Операция несложная, - объяснял врач, - делается под местным наркозом, но, чтобы инфекция не распространилась по всей полости рта и вы не потеряли остальные зубы, необходимо тщательно отработать все этапы.

Операция шла по плану, зуб был удален, продемонстрирован пациенту, кровотечения было совсем слабым и быстро остановлено, и вскоре доктор приступил к зашиванию десны.

- Наша операция близится к завершению, - говорил врач, орудия щипчиками и иглой с растворимой нитью. - Мне захотелось предложить нашему очаровательному пациенту одну необычную процедуру. В распоряжении клиники оказался новейший американский препарат, кото-

рый дает полную гарантию, что инфекция из ранки на месте удаленного зуба будет надежно купирована и нигде не распространится. Вы совсем не обязаны соглашаться, у вас и так все хорошо, и, скорее всего, у вас и без этого все будет в полном порядке. Скорее всего... Но именно этот препарат дает нам с вами СТОПРОЦЕНТНУЮ гарантию. Обычно препарат используется только для сотрудников нашей клиники... Нет, нет, это ничего, ровно ничего не будет вам стоить. Вы просто нам симпатичны. Укол вы тоже не почувствуете, потому что сейчас вы под анестезией. Если согласны, кивните головой... Я не сомневался. Это ведь страховка от возможных неприятностей. Вот так, теперь все в полном порядке.

Врач выпрямился, торжествуя посмотрел по сторонам и заботливо наклонился к пациенту.

- Этот препарат дает эффект только в случае, если он не будет контактировать с наружным воздухом. Три часа надо держать закрытым рот, и никакого наружного воздуха - ды-

шать только через нос. Я вас предупредил об этом, чего же вы теперь возмущаетесь? Вот она, мой ассистент, - свидетель того, что вас предупредили. Хорошо, я вас претолочно понял, Владимир Иванович, не надо ничего объяснять мне и закройте рот. Впрочем, как хотите, мому себе и навредите. Мы обязаны вас проинформировать, что в ближайшее время вы испытаете очень глубокий очищающий сон. И во время этого сна в ваш организм вообще не должен поступать кислород через органы дыхания. Последствия я вам рассказал - последствия могут быть ужасными! Нам необходимо защитить ваши ноздри, чтобы через них не поступал воздух. Нет, нет, кислород вам все равно нужен. Но уже в столь малых дозах, которые вам вполне обеспечит кожное дыхание - да, да, у нас с вами есть кожное дыхание. Ну, соглашайтесь же... Молодец, молодец, мы гордимся вами. Вот я сейчас косметически безупречно зашью ваши ноздри, потом вам нужно будет подписать бумагу о том, что все, что было сделано здесь, персонал клиники осуществил с вашего согласия.

Он сделал незаметный знак помощнице, и та ловко пристегнула специальными ремнями предплечья Меклина к подлокотникам кресла.

- Не дергайтесь, Владимир Иванович, и не возмущайтесь - только са-

мому себе и навредите. Мы обязаны вас проинформировать, что в ближайшее время вы испытаете очень глубокий очищающий сон. И во время этого сна в ваш организм вообще не должен поступать кислород через органы дыхания. Последствия я вам рассказал - последствия могут быть ужасными! Нам необходимо защитить ваши ноздри, чтобы через них не поступал воздух. Нет, нет, кислород вам все равно нужен. Но уже в столь малых дозах, которые вам вполне обеспечит кожное дыхание - да, да, у нас с вами есть кожное дыхание. Ну, соглашайтесь же... Молодец, молодец, мы гордимся вами. Вот я сейчас косметически безупречно зашью ваши ноздри, потом вам нужно будет подписать бумагу о том, что все, что было сделано здесь, персонал клиники осуществил с вашего согласия.

Врач закончил свою работу, ассистентка освободила руки Владимира Ивановича. Его движения становились все более медленными. Он

этого не понимал: ему казалось, что доктор и его ассистентка двигались быстрее и быстрее - мысль и внимание Меклина не успевали зафиксировать их положение в пространстве, а движения смазывались. Владимиру Ивановичу дали договор, ручку, он помнил о своем обещании что-то подписать. Меклин - человек слова, раз обещал - значит подпишет, не станет же он подводить этих милых людей! Доктор с ассистенткой с трудом дождались - прошло не менее пятнадцати минут, прежде чем из-под пера пациента появились три первые закорючки.

- Все, этого достаточно, - резко сказал доктор и вытер платком вспотевший лоб, ассистентка буквально вырвала авторучку и договор из пальцев Меклина. Владимир Иванович внимательно осматривал свою руку. Он помнил: только что она держала авторучку, а теперь та неожиданно исчезла.

Надо уходить отсюда. Меклин стал подниматься, чтобы покинуть кресло.

На лице его застыло выражение одеревеневшего удивления.

- Он что, очнется через три часа? - спросила помощница, обращаясь к доктору.

- Не говори глупостей. Разве стали бы мы возиться с ним из-за трех часов? Я ввел нормативно рекомендованную порцию, которая исключает индивида из общества, но без зверств, без фанатизма и без кровопролития!

- Жаль его, такой симпатичный человек, - пролепетала женщина.

- Мне кажется, мы поступаем с ним и ему подобными более чем гуманно.

Его внутренние часы будут идти все медленнее и медленнее - в отличие от нас с тобой он сумеет увидеть будущее. Кстати, пока часы этого человека еще хоть как-то тикают, давай-ка проведем его в сквер и усадим на скамейку. Возможно, со временем он сам уйдет, но на это потребуются месяцы, а возможно, и годы. Врач шагнул в полумрак кабинета. Лица сидящего за столом не разглядеть, но хирург-стоматолог хорошо знал этого человека.

- Давно не виделись, док, - услышал он мягкий задушевный голос. - Ты неплохо выглядишь, посвежел, помолодел. Что за книжка с тобой?

- «Молчание ягнят», взял у знакомого.

- «Молчание ягнят» - ну, ну, правильное название! Впрочем, не хочу тебя надолго задерживать - давай-ка сразу к делам. В начале следующего года будут выборы, к этому времени следует вывести из обращения пятьдесят процентов населения республики. Надо поднажать, мой друг.

- Не ко мне вопрос: сколько ваши «Стоцкие» посылают, столько и делай.

- А инициатива, где она? Дай объявление в Сети, размести отзывы благодарных пациентов...

- Сами говорили: работать скрытно, клиентуру принимать только по рекомендации.

- Много говорить стал. Не забывай: несешь личную ответственность. Дело прежде всего, уж ты постарайся! После выборов все пойдет веселее:

ненужные биологические единицы будем выводить из обращения

простым решением трех правоохранителей - без согласия пациента и без канители с подписанием договоров. Так что давай! А станешь плохо работать, сам знаешь, что будет - придется и тебя зашивать.

Нешаблонные решения

Новые методические подходы помогают уйти от стереотипов при подготовке к ЕГЭ по обществознанию

Алихан ДИНАЕВ, народный учитель Чеченской Республики, учитель обществознания Математической школы имени Х.Ибрагимова и образовательного центра «Открытие», абсолютный победитель Всероссийского конкурса «Учитель года России»-2018, Грозный

Казалось, совсем недавно страна переживала мощный эмоциональный подъем, когда сотни тысяч выпускников проходили испытание ЕГЭ, а их полученные за 11 лет учебы знания пересчитывались в судьбоносные проходные баллы. И вот уже самые успешные абитуриенты получили студенческие билеты и начали отсчет нового витка своей жизни, а новое поколение одиннадцатиклассников готовится повторить и улучшить их достижения. Самое время напомнить итоги вступительной кампании и... сделать работу над ошибками. Когда Рособнадзор провел анализ государственной итоговой аттестации-2019, его результаты многих удивили. Оказалось, что неожиданно самым сложным экзаменом стало обществознание, по которому больше всего выпускников не набрали проходной балл. Причем если по ряду предметов отмечено увеличение средних по стране результатов (по профильной математике, например, за год прирост составил 7 баллов, по информатике - 4, а по истории - 2,5 балла), то по обществознанию результаты даже немного снизились. Очевидно, что подготовке к этому предмету надо уделять больше времени и внимания. А здесь не обойтись без качественной учебной литературы, позволяющей полностью погрузиться в содержание и структуру экзамена.

Варианты от разработчика ЕГЭ

Татьяна Викторовна Коваль хорошо известна всем, кто преподает обществознание и готовится к сдаче экзамена по этому предмету. На протяжении многих лет она является ведущим специалистом, принимающим непосредственное участие в разработке контрольно-измерительных материалов ЕГЭ.

Ежегодно Т.В.Коваль выпускает в издательстве «Экзамен» (приказом Минобрнауки РФ учебные пособия издательства допущены к использованию в общеобразовательных организациях) сборники типовых вариантов, самый свежий из которых и оказался в руках автора этой статьи. Новое учебное пособие «ЕГЭ 2020. Обществознание. 10 вариантов. Типовые тестовые задания от разработчика ЕГЭ» составлено с учетом всех требований и особенностей единого государственного экзамена, включая критерии оценки заданий и образцы бланков ответов.

Учителя обществознания, как показывает практика, испытывают большие трудности с привлечением нового контента для подготовки учеников к экзамену. Многие пособия из года в год содержат, по сути, одни и те же задания, а многие вопросы, как правило, «кочуют» из сборника в сборник. Татьяна Коваль регулярно обновляет типовые варианты не только с точки зрения соответствия новым требованиям и критериям, но и в отношении содержания конкретных упражнений, которые перестают быть шаблонными, вызывая живой интерес у педагогов и учащихся.

Алихан ДИНАЕВ

Часть первая (задания 1-20)

Задания 1-3

Первые три задания традиционно считаются самыми легкими и оцениваются в один балл каждое. Как и полагается, здесь представлен весь длинный список тем из кодификатора, начиная от видов потребностей человека и заканчивая социальными институтами и формой государства.

Эти задания проверяют умение выпускников соотносить родовые и видовые понятия, отличать общее от частного, находить характерные особенности того или иного явления. Нередко здесь попадаются и не самые простые вопросы. Например, в 6-м варианте автор предлагает найти два термина, выпадающих из общего ряда и не относящихся к формам политического сознания.

Одни могут сказать, что политическое сознание - слишком сложная тема и, более того, ее даже нет в кодификаторе, однако этот вопрос «рассредоточился» по другим темам курса. Поэтому правильно, что автор пособия обращает внимание выпускников и на такие «редкие» темы, которые могут оказаться неприятным сюрпризом для выпускников на ЕГЭ.

Задания 4-6 («Человек и общество»)

Это классические упражнения, в которых выпускники должны соотнести те или иные явления и процессы с их характеристиками, найти верные суждения и т. д.

Заслуживает внимания содержание ряда заданий 6, где рассматриваются не только набившие оскомину признаки того или иного вида общества, но и проявления глобализации, признаки мировых религий, рационального познания и другие более широкие характеристики. Диапазон охвата тем в пособии действительно очень велик, и это обеспечивает более основательную и эффективную подготовку старшеклассников, прививает школьникам навыки аналитического мышления.

При этом не могу не сделать одно замечание. В двух вариантах в 5-м и 6-м заданиях содержится вопрос о видах социальных норм и отклоняющемся поведении, однако эти темы относятся к блоку «Социальные отношения» и могут в тестовой части встретиться только в задании 11, поэтому в этой группе заданий их быть не должно.

Задания 7-10 («Экономика»)

В первую очередь выделю задания 10 в сборнике. Часто в этих вопросах рассматриваются спрос и предложение на неких малоизвестных для старшеклассников рынках. Помню, как в одном из вариантов, который мы решили с учениками, требовалось найти факторы спроса на рынке парусных яхт, что вызвало недоумение у большинства ребят (а также поток шуток о том, почему ученики купили себе именно парусные, а не моторные яхты). В типовых вариантах от издательства «Экзамен» представлены близкие и понятные учащимся рынки - масло, цветы, услуги нянь и сиделок, школьная форма (оригинальность варианта с рынком масла из виноградных косточек, думаю, выпускники обязательно оценят). При этом обилие вариантов ответов позволяет изучить и понять действие всех факторов спроса и предложения - от ожиданий потребителей до разорения фирм.

Но, несмотря на некоторые огрехи, в целом все задания сборника составлены качественно, продуманно и дают выпускникам возможность проверить и углубить свои знания по всем темам из экономического блока.

Задания 11-12 («Социальные отношения»)

Задания 12 одновременно и самые любимые, и самые нелюбимые у школьников. Любимые, поскольку, как правило, дают правильные ответы на них несложно. Нелюбимые, потому что они требуют скрупулезного прочтения, многочисленных перепроверок и отнимают немало времени.

Отмечу, что в пособии представлены все возможные варианты представления данных на ЕГЭ - столбчатые, линейные и круговые диаграммы, таблицы с данными. При этом и сложность их разная - где-то на одной диаграмме 15 рядов (столбчиков), где-то - 8. Такой разброс может быть и на экзамене, к этому надо быть готовым.

Задания 13-15 («Политика»).

Задание 16 («Конституция РФ»)

Задания 14, по данным ФИПИ, считаются самыми сложными для выпускников в первой части. Действительно, запомнить многочисленные полномочия различных органов государственной власти РФ не так-то просто, как и распределение полномочий между федеральным центром и субъектами. Как решить эту проблему? Повторением! В пособии эта возможность предоставлена в пол-

ном объеме. В очередной раз должен поблагодарить автора за разнообразие вопросов, среди которых часто встречаются довольно нестандартные варианты, допустим, примеры реализации права граждан РФ на объединение в политические партии. Пособие ориентирует обучающихся концентрироваться не только на классических заданиях 15 (форма государства, политическое лидерство и избирательные системы), но и на особенностях правового государства, функциях СМИ в политике и т. д.

Должен констатировать, что граждане России плохо знают Конституцию. Об этом говорят и опросы общественного мнения, и низкий уровень правовой грамотности (что хорошо видно по итогам ежегодной Всероссийской акции «Правовой диктант») и культуры. Вот почему задание 16 так важно и необходимо в структуре КИМов.

рен, что все разработчики ЕГЭ знают, какое отторжение и неприязнь (к предмету в целом в том числе) вызывают у выпускников многие задания, точнее то, как они сформулированы: слишком сложно, наукообразно, неинтересно. Очень часто они выглядят абстрактными и далекими от реалий жизни школьников.

Автор пособия с пониманием отнеслась к этому важному вопросу. Среди заданий мы видим, например, такое: «В 2017 г. самые большие кассовые сборы принесла демонстрация первой серии художественного фильма - триллера с большим количеством спецэффектов - о борьбе человечества цивилизации с пришельцами». Сама суть вопроса стандартна - надо назвать признаки массовой культуры, но слегка измененная формулировка вопроса вызывает улыбку и большой интерес к решению поставленной задачи.

Статфакт

В этом году экзамены сдавали 750 тысяч человек, из них обществознание - 315,2 тысячи. Однако доля высокобалльных работ по этому предмету всего 7,8%. Хуже дело обстоит только с профильной математикой.

Задания 17-19 («Право»)

Первое, что бросается в глаза, - это глубокий характер заданий 18. К примеру, в одном из вариантов предложены нормативно-правовые акты (УК, ГК и КоАП) и различные правонарушения, в том числе такие, о которых в школьном курсе обычно если и говорят, то совсем немного. Например, «сбор, хранение, распространение и использование без согласия гражданина сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни; нарушение установленного срока подачи заявления о постановке на учет в налоговом органе» и другие. Лучше встретить такие задания осенью или зимой, подготовиться, выучить и понять, чем впервые увидеть их на ЕГЭ.

Задание 20

Задача этого задания - оценить умение систематизировать, анализировать и обобщать неупорядоченную социальную информацию в предложенном социальном контексте. В сборнике варианты 20-го задания, как и должно быть, затрагивают все пять блоков/модулей.

Часть вторая (задания 21-28)

Работа с текстом (задания 21-24)

Мне очень импонирует комплексный подход к разработке заданий. Думаю, что при составлении автор сознательно старался представить максимально широкий спектр возможных текстов, чтобы подготовить одиннадцатиклассника к «суровой правде» реального ЕГЭ. Вот почему в сборнике мы можем найти тексты в виде отдельных статей из законов, из научных статей, учебных пособий. Важно, что 21-е и 22-е задания составлены с учетом новых и более высоких требований. Так, задания 21 теперь содержат не менее трех вопросов по тексту, а в 22-м помимо нахождения ответа в тексте необходимо еще дать правильный ответ «от себя» на один вопрос (как правило, определение термина).

Задания 25-28

Отмечу несколько моментов. В первых, «живые» задания 27. Не уве-

Научный язык необходим, но искусственное наукообразие, чрезмерная заформализованность и даже бюрократичность многих формулировок вредят обществознанию и, уверен, являются одной из причин того, что, по данным опроса ВЦИОМ, лишь 3 процента (!) населения РФ считает наш предмет полезным для жизни.

Как учитель, который не один год работает с выпускниками, порекомендовал бы в новом издании добавить в ответах на 28-е задание указание на то, какие пункты развернутого плана считаются обязательными. Это помогает и упрощает подготовку к ним.

Подведем итоги

Сборник «ЕГЭ 2020. Обществознание. 10 вариантов. Типовые тестовые задания от разработчика ЕГЭ» подготовлен авторитетным экспертом, который изнутри знает экзаменационную кухню и ежегодно обновляет материалы линейки своих книг, входящих в популярную серию издательства «Экзамен». Это пособие можно рекомендовать как дополнительный источник на уроках обществознания и как один из главных источников для подготовки к экзамену.

Разнообразие упражнений, учет всех постоянно меняющихся и усложняющихся требований делает сборник типовых вариантов Т.В.Коваль незаменимым на уроках, дополнительных занятиях и при самостоятельной подготовке.

Завершить свою рецензию мне хотелось бы цитатой, обнаруженной в пособии как вариант задания 29, великого американского поэта Ральфа Эмерсона: «Истинный показатель цивилизации не уровень богатства и образования, не величина городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитываемого страной». Облик современного, образованного, патристического, ответственного, всесторонне развитого человека - это то, на что, по сути, и направлен школьный курс обществознания.

Алексей Петрович

Рассказ

Казанцу Булату ХАНОВУ всего 28, а он уже успел громко заявить о себе. Он автор романов «Непостоянные величины», «Гнев», повести «Дистимия», целой серии рассказов, опубликованных в коллективных сборниках и в толстых литературных журналах «Дружба народов» и «Октябрь». Он лауреат престижных литературных премий «Лицей» и «Звездный билет», а еще кандидат филологических наук. Тема диссертации, которую Булат защитил в стенах КФУ, - «Советский дискурс в современной русской прозе». По мнению литературных критиков, Булату Ханову «удалось создать мрачноватый портрет своего поколения». Впечатляет, не правда ли? Вы спросите: «Интересно, что же будет дальше?» А дальше будет рассказ, написанный специально для литературного номера «Учительской газеты».

Булат ХАНОВ

Скулшутинг. Дурацкое какое-то слово. Бестолковое. Как будто в людей стрелять - это шутки шутить.

Когда Дима слышал новости об американских школьниках, которые устраивали пальбу, он ставил себя на место стрелявших. Они поступали плохо и глупо. Но их доводили до такого. Не жестокие компьютерные игры доводили и не боевики, а издевки одноклассников и равнодушие учителей. Разгневанные на весь мир подростки назначали себя на роль палачей, а затем кончали с собой, чтобы не отвечать за свои преступления и не смотреть никому в глаза.

Дима бы ни за что не убил даже самого злого обидчика. Во-первых, убийство отвратительно, если оно не на войне или это не кровная месть.

Во-вторых, чего скрывать, духу бы не хватило.

С середины июля, когда лето превалило за экватор, Дима с нарастающей тоской отсчитывал время, оставшееся до учебы. В августе, гостя у бабушки на даче, он старался меньше спать, чтобы захватить побольше летней свободы. Перед сном, ворочаясь в постели, Дима грустил, что очередной беспечный день лишь приблизил его к осени.

Только конченный садист мог назвать первое сентября праздником.

В первый учебный день Дима пытался вести себя незаметно. На биологии он сел за предпоследнюю парту с Валерой (таким же молчуном,

как и сам Дима), а на математике не поднял руку, хотя знал ответ. На географии сценарий повторился. Но перед литературой план рухнул. Егор, главный ненавистник Димы, на перемене выхватил у него дневник и засунул себе под пиджак.

- Отдай!
- Что «отдай»? - Егор сделал вид, будто не понимает, о чем речь.
- Дневник!
- Зачем тебе мой дневник?
- Не твой, а мой.
- Какой еще твой дневник?
- Мой личный. Отдай!

- У тебя есть личный дневник? - насмешливо переспросил Егор. - Ты туда секреты записываешь?

Вокруг уже собрались зрители. Их симпатии явно были на стороне Егора.

- Никакие секреты я не записываю!

- Записываешь-записываешь. За кем подглядывал, в кого влюбился - все это в твоём дневнике есть.

Егор вытащил дневник из-под пиджака, раскрыл его на середине и притворился, что читает:

- Двадцать девятое августа. Милая моя Таечка, я так скучаю по тебе. Скоро настанет осень, и мы с тобой увидимся. Я куплю тебе ватрушку в столовой и провожу до дома. Мы будем...
Под всеобщий смех Дима вырвал дневник у Егора.

Тая Смирнова, легенда их параллели, до сих пор читала по слогам, и в седьмой ее перевели исключительно ради того, чтобы не портить районные показатели. В шестом классе она таскала в школу бутерброды с вонючей вареной колбасой, а потом у Смирновой и вовсе обнаружили вши.

За литературой следовала двоянная физкультура - самый нелюбимый предмет у Димы. Все из-за Семена Николаича, который на уроках откровенно валял дурака. После переклички и двух кругов пробежки по залу физрук выдавал классу либо футбольный, либо баскетбольный мяч, а сам сидел в телефоне и вмешивался в происходящее, если только шум мешал сосредоточиться на очередной игрушке или пролистывании новостной ленты.

Тогда физрук резким свистом обозначал свое присутствие и снова возвращался к любимому гаджету.

Сегодня 7-й «А» на физре ждал сюрприз. В спортзале их встретил новый преподаватель по имени Алексей Петрович. Молодой, подтянутый и в красивой черной форме. Он объявил, что пришел на замену уво-

лившемуся Семену Николаичу и что учебный год ожидается тяжелым, зато насыщенным и интересным.

- Почему тяжелым? - удивился Егор. - Что тяжелого в физкультуре?

- По плану у нас много нормативов, - объяснил Алексей Петрович. - Оценку за четверть я ставлю лишь тогда, когда все нормативы сданы.

- Ого! - выдохнул класс.

- Если вы будете усердно заниматься, то к сдаче нормативов подойдете в отличной форме и справитесь без проблем. Все зависит от вас.

Новый учитель устроил интенсивную разминку. У Димы аж мышцы загнулись. Да уж, отныне халтурить на физре не получится.

- Теперь поиграем в футбол, - сказал Алексей Петрович. - Для начала мне нужны два капитана.

Вызвались Егор и Денис, крепкий парень, который учился игре на барабанах и ездил на автобусе в школу рока. В отличие от Егора Денис, несмотря на свой безусловный авторитет, никогда не задирил слабых и вообще держался независимо и уверенно.

Учителя называли его самодостаточным. Порой Дима даже слегка завидовал уверенности одноклассника.

Капитаны определились с составами. Диму выбрали в числе последних.

- Стоишь на воротах, - распорядился Денис.

- Хорошо.

- Только не отворачивайся от мяча. Дима привык, что его всюду ставили в ворота, и смирился со своей долей.

Алексей Петрович и не подумал уткнуться в телефон. Новый учитель сразу дал понять, что будет строгим судьей и ни одно нарушение не укроется от его внимательного взора. Мало того, Алексей Петрович успевал и советовать игрокам, притом так, чтобы никто не заподозрил его в симпатиях к той или иной стороне.

- Быстрее избавляйся от мяча, у тебя партнеры открыты.

- Держи соперника плотнее, не позволяй ему вырваться на простор.

- Не торопись бить. Лучше сделай ложный замах и обведи защитника.

Не избежал подсказки и Дима.

- Чаше задействуй ноги. Выбегай на перехваты и не стесняйся дальних пасов.

Совет прозвучал не как нудное учение, а как добрая рекомендация от старшего товарища. Ободренный, Дима отбил пять трудных ударов, за что удостоился персональной похвалы от Дениса. Их команда по итогам двух таймов по шесть минут победила со счетом 4:2.

Затем Алексей Петрович устроил поединок и между девочками.

Когда прозвенел звонок и Дима, уставший и радостный, направился в раздевалку, учитель остановил его.

- Здорово отыграл, - отметил Алексей Петрович.

- Спасибо!

- Не забывай активнее задействовать ноги. И командуй защитниками: как им располагаться, кого опекают. Помни, что на своей половине поля ты главный. Ты задаешь настрой команде.

Следующей физкультуры Дима ждал с нетерпением.

Капитанили также Денис и Егор, однако на этот раз Денис выбрал Диму одним из первых.

«Ты задаешь настрой команде», - повторил про себя Дима.

Он взял на вооружение советы Алексея Петровича и с первых секунд принялся подсказывать защитникам.

Оказалось, что рамка ворот - это чуть ли не самая удобная точка для наблюдения за полем. И ритм игры чувствуешь, и повадки соперника изучаешь.

Выяснилось, например, что Альберт любит получать мяч слева и смещаться с ним в центр. Дима разгадал этот прием и велел Саше пресекать прямолинейные маневры Альберта. Так одну из угроз нейтрализовали дружно и почти без усилий.

Когда Дима в очередной раз легко катнул мяч ближнему, Алексей Петрович прикрикнул из центрального круга:

- Не бойся рисковать! Отдавай длинные передачи. Денис ведь отлично открывался.

В следующий раз Дима рискнул, и получилось чудо как хорошо. Денис убежал в прорыв по флангу и выкатил мяч Эльдару, а тот вколотил снаряд под перекладину.

Правда, после этого успеха Дима так размечтался, что зевнул неопасный дальний удар. Саша развел руками, Дима со стыда зашторил глаза ладонью.

- Играем, играем, не расслабляемся! - подбодрил всех Денис.

Вскоре не оправившийся от ошибки Дима совершил новую. Он отдал слишком слабый пас, который перехватил Егор. Чтобы исправить свой ляп, Дима отчаянно бросился в ноги нападающему, который замешкался перед воротами. Егор, осознавая, что упускает момент, махнул ногой, рассчитывая протолкнуть мяч мимо голкипера, и попал Диме носком прямо по переносице.

Как будто искры посыпались.

Товарищи по команде кинулись на защиту. Саша грубо толкнул Егора в грудь со словами:

- Чего быкуешь?

Денис поинтересовался, все ли у Егора дома. Тот начал оправдываться, что не сориентировался вовремя

и вообще не ему отвечать за косяки чужого вратаря.

- Грубая игра, - произнес Алексей Петрович. - Егору предупреждение. Следующий раз выгону с поля.

Дима, отряхиваясь, поднялся. В глубине души он понимал, что тоже немного виноват в произошедшем.

- Продолжать можешь? - спросил Алексей Петрович. Дима кивнул. - Тогда двухминутный перерыв, потом меняемся воротами.

Во втором микротайме соперник устроил штурм, но Дима потащил два тяжелых удара в упор. Эльдар в контратаке сделал дубль, а закрепил успех Денис красивым голом со штрафного.

- Недурно, - похвалил Алексей Петрович Диму после урока. - Не без недочетов, конечно, но они сполна компенсируются самоотдачей и смелостью. Прибавляешь на глазах.

Дима едва не светился от радости.

- На следующей неделе в школе секция по футболу открывается. Приходи.

- А кто ведет? Вы?

Алексей Петрович, обычно строгий, улыбнулся и сказал:

- Приходи, тогда увидишь.

Оказалось, что секцию Алексей Петрович организовал самую серьезную. Даже речи не шло о том, чтобы бестолково погонять мяч и разбредиться по домам.

- Превыше всего я ценю системный подход, - говорил учитель. - Важен каждый элемент: и упражнения с мячом, и без мяча, и даже тактическая подготовка.

- Ого, - вымолвил Саша. - А к чему вы нас готовите?

- Правильный вопрос, - отметил Алексей Петрович. - Пока к районным соревнованиям между школами.

- А дальше?

- Если на районных победите, поедете на городские.

- А если и городские выиграем?

- Что ж, ничего не останется, кроме как заявить вас в Лигу чемпионов. Лишь через несколько секунд до всех дошло, что учитель шутит.

Системный подход Алексея Петровича включал в себя массу не-

ожиданных мелочей. Так, на первом занятии после длительной разминки тренер внезапно объявил, что сегодня они играют в «треста», как во дворе. Алексей Петрович в подробностях объяснял, как целиться, как замахиваться и какой частью ноги лучше наносить удар. А перед завершением тренировки состоялось первое настоящее испытание.

- Белов, становись на ворота, - велел учитель.

Дима занял место в рамке, и Алексей Петрович обратился к остальным.

- Теперь каждый пробьет пенальти. Если забываете, то задание пустяковое: вам надо пробежать трусцой один круг по залу. Тот же, кто не забывает, должен бежать три круга в быстром темпе.

Для Димы преподаватель также придумал взыскание: за каждый пропущенный гол начисляется штраф в десять отжиманий.

Дима потащил два удара из двенадцати. Еще два выстрела пришили мимо.

- Восемьдесят отжиманий? - ахнул он. - За один подход?

- Не за один, - успокоил Алексей Петрович. - Хотя бы за пять. Но норму выполни до конца.

На следующей тренировке к футболистам присоединился и Денис.

На занятиях играли в «квадрат», учились открываться, постигали тонкости командного прессинга. А дома просматривали нарезки из Ютуба, которые присылал Алексей Петрович. Чувствовалось, что он любит свое дело и живет им.

На четвертом занятии он вновь не на шутку удивил. Тренер принес длинную веревку и велел четверым защитникам обмотать ею себя вокруг пояса.

- Нам ее на четыре части разрезать? - не поняли защитники.

- Ни в коем случае. Хоть веревка и одна на всех, она длинная. На всех хватит. Вам надо связать себя так, чтобы между каждым из вас было одинаковое расстояние. Будем налаживать взаимодействие в обороне.

Поначалу взаимодействие получалось, мягко говоря, неуклюжим, но вскоре ребята приновились. Они уже не теряли позицию и не падали на пол, оттого что товарищ рванул куда не следует, разрывая линию.

Со всяким из учеников Алексей Петрович беседовал отдельно, давая индивидуальные советы и рекомендации. Диме он расписал на листке комплекс упражнений на растяжку и на скорость реакции.

- Самые сильные вратари сейчас - это, наверное, Де Хеа и Нойер. Изучай их манеру: как они действуют на линии, как выходят на перехваты, как

командуют защитниками. Обращай внимание на мелочи.

Если раньше Дима смотрел игры лишь местного «Рубина», то теперь специально искал в Интернете трансляции из Европы и с блокнотом пересматривал наиболее важные матчи с участием «Манчестер Юнайтед» и «Баварии».

Тренировки неизменно оканчивались пробитием пенальти. Дима отбивал не меньше трех ударов.

Дела с одноклассниками тоже наладились. Как будто сами собой.

Егор уже не задира, а с товарищами по секции Дима и вовсе сблизился и сдружился.

Когда настало время районных соревнований, первым соперником оказалась соседняя школа. Ученики всегда спорили, чья школа лучше или хуже, поэтому бой предстоял серьезный.

- Только не отворачивайся от мяча, - пошутил Денис.

Дима улыбнулся и поднял большой палец.

Неожиданно для себя он осознал, что не волнуется и не боится. Он был уверен в себе.

Ильдар АБУЗЯРОВ как-то рассказывал, что несколько лет проработал лицом к лицу (вернее, компьютер к компьютеру) с Захаром Прилепиным. Дело происходило в начале - середине двухтысячных в Нижнем Новгороде, в местной редакции «Новой газеты». Абузьяров уже активно публиковался, а Прилепин только оттачивал свое перо, подбираясь к первой своей крупной вещи - роману «Патологии», с которого для него и начался путь в большую литературу.

Ильдар Абузьяров тоже не стоял на месте, публиковался в ведущих толстых литературных журналах, выпустил целый ряд книг - «Осень джиннов», «Курбан-роман», «Хуш», «Агробление полбански», «Мутабор», «Финское солнце» - и был среди прочего удостоен Новой Пушкинской премии с формулировкой «за новаторское развитие отечественных культурных традиций».

Тот же Прилепин отзывался о нем так: «Ильдар Абузьяров - человек для меня таинственный, не всегда мне понятный, но очень любимый мной. ...Некоторые вещи его я очень люблю, некоторые не понимаю совсем; но в любом случае я воспринимаю Ильдара как редкое, ни на кого не похожее литературное явление».

Рассказ «Другая история» написан Ильдаром Абузьяровым специально для литературного номера «Учительской газеты». А если вам захочется продолжить знакомство с его творчеством, то в архиве нашего издания можно найти материалы Ильдара, показывающие его не только как яркого прозаика, но и как публициста, готового самоотверженно бороться за свою правду.

Ильдар АБУЗЯРОВ

1

- А можно я напишу другую историю? - подсел к учителю Никита, и, надо же, подсел в такое неудачное время, когда он только-только в просторном холле школы открыл компьютер, собираясь проверить, нет ли письма от его возлюбленной Дианы...

- Какую историю?
- Ну не про того героя, что вы нам задавали.

- Можно, - сказал преподаватель, чтобы поскорее отделаться от надоедливой ученика и перечитать свои же собственные послания, в которых он, возможно, совершил роковую ошибку...

Накануне он, учитель классической литературы в лицее, читал им лекцию про мифы Древней Греции... Ведь мифы - это колыбель цивилизации, первые истории и коды и основа... Короче, вы и сами все знаете... А дети пока еще не знали, и потому он им задал писать о героях, чтобы понять, кто такие герои, почему они бросают вызов судьбе-року-богам и как гибнут на своем пути или выходят победителями, если это не трагедия. А некоторые даже в награду поднимаются на Олимп, если это триумф.

- Я же сказал, тебе можно все, - повторил учитель, видя, что Никита не уходит. Но тут он заметил растерянный вид и взъерошенную челку юноши, хотя нет, прежде он заметил руки, точнее пальцы, которые не находили себе места и мяли друг друга...

- Что, не терпится приступить к задаанию?

- Я хочу написать совсем другую историю, - поперхнулся Никита, глубоко выдохнув. И только тогда учитель заметил, что и лицо Никиты мертвецки бледное.

- Ты заболел? - напрягся учитель. - Может, тебе к врачу?

- Знали бы вы, как мне плохо, - выдохнул Никита еще раз.

- У тебя температура? - приложил руку ко лбу ученика учитель. - Сколько градусов? Никита, ну не томи!

- Вика меня не любит...

2

Учитель отложил компьютер и поднапрягся. Прежде всего он пытался припомнить, кто такая Вика. Пару дней назад они отправились всем классом в барский дом-музей какого-то крупного купца-судометаллопромышленника.

И в этом роскошном особняке Никита чувствовал себя как рыба в воде, будто он барчук, а каменный особняк в три этажа с конюшней и дво-

Другая история

Рассказ

ровыми постройками принадлежал его папеньке. Как никогда веселый, он искрил и юморил в свойственной ему немного абсурдистской манере. И все пытался подколоть высокую, выше его на голову, сухую, поджарую девушку с толстой косой и редкой челкой.

Манерную, как показалось учителю, такую всю из себя Викторю, к которой Никита подошел во время экскурсии по бальному залу с дорическими колоннами и после поклона, присев в издевательском книксене, заявил:

- Как вы насчет менюэта, сударыня? Можно вас пригласить на менюэт?

Одноклассники Никиты присынули смехом в кулаки, а девушка лишь окинула его презрительно-холодным взглядом. И тогда в следующем зале с гобеленами на всю стену он громко заявил пожилой и статной экскурсоводше, что хочет сограться с ней, с экскурсоводом, на этом гобелене в единую композицию.

- Чтобы мы были запечатлены в вечности, как они, - указал Никита на античный сюжет про охотницу Артемиду и кабана...

Но в этот вечер охоту вел Никита.

- Разрешите пригласить вас на маскарад, - переключился Никита снова на Вику, в следующей сине-зеленой зале-гостиной с экспозицией костюмов и платьев. При этом в руках у Никиты были какие-то чулки, которые он купил в киоске у входа и которые предлагал надеть в честь маскарада на голову.

- Нет, я отдельно с вами хочу сфоткаться. Как Бонни и Клайд, - во второй раз Никита подошел к Вике во время совместного фото на мраморной парадной лестнице, уже напялив себе на голову чулок.

Никита громко стонал, но это уже не смешило, а скорее раздражало всех собравшихся и особенно Викторию.

3

Вика была тихоней, из тех тихонь, с которыми боги водятся.

На уроках по мастерству она сидела, не высываясь: в последнем ряду, не участвуя в спорах и обсуждениях, будто она здесь, а будто и в другом месте. Впрочем, с ее ростом и прямой спиной она была заметна даже на последнем ряду.

Но еще больше она была заметна на дискотеке, на которую учителя как наставника-новичка попросили остаться вечером после уроков. Подежуришь, как бы чего не вышло.

И он посматривал, как девочки и мальчики образовали круг, в котором Вика выпрыгивает танец за танцем на голову выше самых созревших старшеклассниц. А Никита в это время мается в своем тесном пиджаке, наматывая круги по периметру танцевального зала, а если присмотреться внимательнее, вокруг Вики, заложив руки за спину, словно индюк.

Сам Никита был коротконогим, широколицым, с вечно взъерошенной копной темных волос. Из-за своего невысокого роста он стеснялся приглашать Вику, которая, наоборот, отрывалась до упаду. И поскольку она была самой высокой в классе, ее то и дело приглашали на медляк старшеклассники.

к Вике после дискотеки и признался ей в любви. Точнее, вручил ей записку, которую написал еще несколько недель назад и все не решался передать, все мучился. Но вчера уже не смог больше терпеть...

- И? - поторопил учитель...

- Вика сказала, что ей надо подумывать, прежде чем ответить. Мне надо с вами по-серьезному поговорить. Но если вы пообещаете, что никому ничего не расскажете. Ни единого слова.

Учитель кивнул.

- Тогда нам надо спуститься с вами в подвал, чтобы нас никто не видел. Здесь слишком много глаз-стукачей и камер, - кивнул Никита на черные охранные «циклопы» под потолком.

Учителю пришлось встать и пойти за Никитой в подвал, к спортивному залу, где были пустующие сейфы, поздней весной, раздевалки для мальчиков и девочек.

- Шарик для пузика, - указал Никита на свой пиджак, который, по замечанию учителя, часто был не застегнут на нижнюю пуговицу, открывая живот, что было противно уставу, - должен же был кто-то украсить этот праздник шариками.

- Как ты себя чувствуешь? - обратился учитель к Никите.

- Вот присматриваю тут за всем, - улыбнулся как-то мрачно Никита.

- Подожди, это я присматриваю, а ты должен веселиться.

- Нет, если вы хотите, вы можете поколбаситься и покуралесить, а я тут побуду на хозяйстве и подумаю, пока суть да дело, - ответил Никита, - о том, какой я бесконечно маленький по сравнению с космосом. И одинокий. И о том, что все эти танцующие посредственности даже и не понимают, насколько каждый человек в глубине души одинок и несчастен.

4

Но это было накануне, а сегодня маленький пухленький мальчик сидел возле своего учителя и изливал душу, рассказывая, как вчера вечером после всех философских монологов он набрался смелости и подошел

Пересекая спортзал, в котором на стене висели круги-мишени для лука, а в углу столпились кони для гимнастических упражнений, учитель подумал: кентавры, правильнее было их назвать кентаврами, а не конями.

5

- Мы можем сесть здесь, - в мужской раздевалке Никита достал из кармана скомканный клочок бумаги и повертел его в руках.

- Вика написала мне письмо, - Никита развернул замусоленный листок. Видно, что он читал его не раз, не один десяток раз и, возможно, не одному десятку своих друзей и знакомых за прошедшее утро.

- Там все в точности, что я предполагал вчера на дискотеке, - протянул он бумажку. - Можем мы прочитать записку вместе?

- Ну давай прочитаем.

«Любимый мой Никита» - так начиналось письмо.

Это «любимый» почему-то шарахнуло учителя.

- Вот видишь, - прервал он Никиту, мол, стоит ли продолжать, - все не так уж и плохо.

- Все ужасно плохо, - выдохнул Никита и продолжил читать:

«Любимый мой друг. После твоего письма мне стало так плохо, что я убежала от всех и заперлась в ванной. Я просидела и проплакала там много часов. Многие говорят, что я бесчувственная, что я холодная. Но это не так. Скажу лишь одно: никто и никогда меня не любил в жизни, никто по-хорошему не относился. Родителям на меня наплевать, а мой первый парень лишь самоутверждался за мой счет. И ты, Никита, как и другие, хочешь лишь втереться ко мне в доверие и воспользоваться мною. Я не верю тебе, Никита, как не верю никому. И да, я тебя не люблю. Не люблю как парня, но люблю как своего друга. Надеюсь, ты меня поймешь и простишь».

PS. Докажи свои слова делами, хотя я им вряд ли поверю...»

6

- Вот, - выдохнул Никита, - что скажете теперь? Есть у меня шанс? Хотя бы один из ста?

- Есть, - кивнул учитель. А сам подумал, что очень хотел бы получить подобное, такое невинное и беззащитное, письмо от Дианы.

- А как же те статусы в ВК? «Если мужчина дружит с женщиной, то женщина считает, что он не может добиться большего».

- Смотри, - сказал ему учитель после минутной паузы, во время которой он вовсе не думал о своем, а именно о том, что уже дней десять не получает от своей возлюбленной ни строчки. - Я буду говорить с тобой как со взрослым, а не как с маленьким Никитой. Все, что ты сейчас прочитал, не важно. Важно то, что ты получил письмо. Само письмо - вот ответ на все твои вопросы. Твоя избранница вступила с тобой в интимную переписку. Значит, ты ей интересен и важен.

- Ага, важен как друг. Девчонки-то сразу решают, кто парень, а кто только друг. А все друзья - это такие утиратели слез и соплей.

- Послушай, она была с тобой откровенна, насколько только может быть откровенна в свои годы.

- Но она сказала, что не любит меня как парня. Помогите же мне, учитель! Умоляю вас!

- Я бы мог дать тебе несколько технических советов, но это было бы нечестно с нашей стороны. Не то чтобы я был как бог, но у меня есть некоторая власть над ситуацией. Догадываешься, почему?

- Знаю-знаю. Вы типа многое знаете, а информация правит миром.

- Вроде того, - ухмыльнулся учитель. - Я бы мог, подобно богу, спуститься к тебе из жалости и помочь, но я не могу.

- Дайте же мне совет! - чуть не завопил Никита, подсакивая со скамейки. - Не видите, что ли, как мне плохо!

- Не могу, Никита. Повторяю, это было бы нечестно... потому что я в этой ситуации как бог античного мира. Ты должен сам пройти свой путь. Единственное, что я могу тебе посоветовать: если любишь, борись и будь максимально бережен и нежен с маленькой девочкой. Максимально, как только сможешь...

Сказав это, учитель встал и пошел вверх по лестнице.

7

А на следующем уроке он уже рассказывал про вмешательство богов в человеческую историю. Рассказывал о том, как Зевс со скуки решил устроить маленькую войнушку и подсунил на божественном пиру яблоко с надписью «самой красивой». К яблоку потянулись сразу три руки - Геры, Афины и Афродиты.

И вот три богини предлагают беззаботному царевичу Парису из дома Приамова рассудить их спор. А заодно пытаются его подкупить, потому что каждой богине, как каждой женщине, а все женщины немного богини и ведьмы, хочется быть самой желанной и красивой.

Афродита предложила Парису любовь самой прекрасной женщины в мире, Гера - бесспорную власть над всеми людьми, а Афина - славу, которой никто и никогда еще не видывал.

Далее он немного почитал им наизусть «Илиаду».

- А теперь, - резко поворачиваясь к классу, сказал учитель, - что бы выбрали вы - любовь, власть или славу? Говорите первое, что придет в голову, быстро, честно и не думая. Пусть за вас говорит ваша внутренняя стихия - ваше подсознание.

Класс притих.

- Начнем с самого дальнего ряда, - предложил учитель, - с тебя, Виктория.

- Любовь, - тихо и как-то не очень уверенно ответила Вика.

- Костя?

- Господи, конечно, власть! - хватит вам играть в благородных и придуриваться. Что может быть важнее власти?

- Никита?

- Разумеется, я выбираю любовь.

И учитель подумал, что все у него будет хорошо. И он обязательно добьется своей Виктории, своей победы.

В бассейне он проплыл несколько километров так, как его учили, то есть опустив голову в воду, чтобы уменьшить вес тела и положить его горизонтально. И то ли от задержек дыхания и кислородного голодания, то ли оттого, что его друзья пошутили и направили его не в ту сторону, он вошел вместо мужской в женскую сауну.

Сауна с ее парами и расположившимися, словно челюсти-зубы, мраморными пологами сама по себе напоминает пасть дракона или еще какого-то мифического существа. Но в этой турецкой сауне пахло эфирными маслами, а он с трудом переносит сильную жару. Запахи эвкалипта и цикория и вовсе ввели его в оцепенение. И тут из клубов пара прямо на него вышла прекрасная дева, закутанная в простыню, словно в тогу, и с каким-то тюрбаном из полотенца на голове.

как женского визга, ора и лая. Крайний стыд и смущение и секундой спустя дикая ярость - вот палитра тех чувств, что сменились у незнакомки, сбивая резко возрастающей шкалой накала учителя с ног.

Учитель видел божественную красоту в миг наибольшего смущения и ощутил на себе волну ее силы и ярости. Он видел женщину в двух ее крайностях-ипостасях и уже не мог устоять. Сердце его было пронзено сумасшедшей взвинченной энергией, словно стрелой Эрота.

- А чего это вы тут разорались? Эка невидаль, будто я голых баб не видел. В Европе вон давно уже совместные сауны.

- Я тебе сейчас покажу других баб! - взорвалась Диана. - Вуайерист, мерзавец, извращенец проклятый!

По сбивающейся речи и особой интонации он узнал, с кем имеет дело. Как раз накануне он посетил

9

- Кстати, вчера в театре вы оказались правы, - пытаюсь сдерживать внутренний сарказм и ликование, как можно скромнее заметил учитель, - бывают представления и получше.

Что тут началось! Девятый вал, посланный Посейдоном и разметавший корабли Одиссея, ничто по сравнению с тем штормом, в который угодил учитель.

И тогда он понял, что ошибся. Это была не Афродита, Гера или Афина. Это была суцая фурия и главная богиня женского целомудрия и феминизма Артемида. Она мирно себе купалась в окружении нимф, когда, можно сказать, он застал ее врасплох.

Ему попала, свалилась на голову, точнее, он выбрал своим сердцем самый ужасный тип женщины, который только может попасться мужчине. Тип женщины-стервы, женщины-вакханки, что никогда не смиритсся с тем, что какой-то смертный раб посмел посягнуть на ее совершенное тело и ее совершенную красоту.

Само имя Артемиды переводится как «медвежья богиня», «владычица», «убийца».

Как там заложено в программах у таких женщин-воительниц? Найти себе статусного мужчину, подняться до его уровня и выше. Подчинить, растоптать, уничтожить и искать себе задачу и забаву посерьезнее, чтобы самой расти и развиваться.

А он не был не только статусным мужчиной, он был нищим безродным учителем, который не достоин даже ногтя на ее мизинце. Сковырнуть и растереть.

10

Ему предстояло тяжелое испытание - обуздать дикую женскую природу. Задача в сто раз посложнее, чем для Никиты. Тем более подсунутая ему Афродитой Деметра, она же Диана, принялась его целенаправленно и методично прогибать и уничтожать, то влюбляя, то отстраняя, то приближая, то снова отталкивая. А проще говоря, рвать на куски его израненную душу и истерзанное тело, используя в качестве клинка и кинжала его же собственные, учителя, заостренные страсти и чувства.

Диана медленно и верно добивалась своего, подкашивая силы учителя день ото дня. Урок закончился, дети сдали сочинения и вышли. Точнее, выбежали, бросились с визгом вон из класса, словно моряки Одиссея на острова Эя и Тринакрия с опустыленного корабля. Тут уж кому как пове-

зет... А он, учитель, набравшись сил, сложил тетради в портфель и тоже встал со стула. От бессонных ночей, накопившейся усталости его шатало, сердце немного щемило, и, когда он вышел из прохладного коридора на весеннюю шумную улицу, солнце прыснуло ему в глаза, словно из перцового баллончика.

Невольно ослепнув, он прижался всем телом к стене. Посторонился на всякий случай, пропуская шумную толпу первоклашек. Эти свирепые щенята могут затоптать и не заметить даже бизона.

Но за первоклашками ему на помощь уже бежали «его» дети. Они будто ждали его, чтобы сказать нечто важное. Посыпались вопросы, а как же без них? Значит, урок им понравился, а что может быть лучше этого елеса на сердце?

Ребята облепили учителя, девочки не удержались и обняли, помогая собраться с духом, помогая собрать по кусочкам его разбросанные по городу и миру силы. Да, они, как оленята, несли, возвращали ему его растроченные «я», его отражения в своих восхищенных наивных глазах.

И в этих открытых миру глазах и ладонях, в самих объятиях и вопросах было столько энергии доброты, столько света и тепла, что они наполняли его тело и душу новой жизненной энергией и витальностью.

- Учитель, - взвешивая на голове волосы Никита, чтобы стать выше, вровень с учителем, - сами бы вы что выбрали? Нам вот с Костяном ужасно любопытно...

Он не успел ответить, потому что в этот самый момент зазвонил телефон, и на дисплее отобразилось грозное слово «Диана».

Его божество всегда знало, когда ему становилось чуть лучше, и всегда появлялось неожиданно, чтобы еще больше привязать к себе, лишая его сил и воли, лишь для того чтобы снова ранить.

«Может быть, у нее это получится, но не сейчас», - учитель отложил вместе с телефоном и разговор в глубокий внутренний карман. «Что бы я выбрал? - думал учитель, усаживаясь на лавочку в тени пылающих костров сирени. - Наверное, мудрость». Мудрость, но Афина премудрая не дала ему мудрости сразу выскочить из сауны. Она не дала ему выбрать мудрость, а предложила лишь славу. Потому что на самом деле мы мало что выбираем, когда вмешиваются боги. И теперь ему ничего не оставалось, кроме как продолжать эту битву. И либо победить как герой, либо погибнуть на поле любви.

Впрочем, это уже совсем другая история...

8

Веточка сирени билась, стучала в стекло. Солнце и ветер играли с листьями, словно детвора с мячиком, и у учителя было время вспомнить, почему и как он выбрал и полюбил именно Диану. Словно сама судьба подкинула ему для игры этот мяч.

Где-то примерно год назад, сдав последние экзамены, они с друзьями решили провести каникулы в Крыму. А жизнь в любом приморском городке очень похожа и, в сущности, однообразна - пляжи, спа-салоны, по вечерам театры или рестораны.

Черное море было недружелюбно холодным, и он предпочитал плавать в оздоровительном комплексе при пансионате.

- Прямо как Афина из головы Зевса, - родилось у учителя сравнение. - Ведь всем известно, что Зевс проглотил беременную Метиду, потому что боялся ее детей...

Но «Афина», скинув с себя простыню, начала обливаться принесенной взмыленной водой из ковшика. Тут уж она походила на Афродиту, вышедшую из пены морской, а облившись, «Афродита» нагнулась и принялась намазывать свое божественное тело кремами и маслами, словно Гера, готовясь вновь соблазнить царя богов Зевса.

Поняв, к чему тут идет дело, учитель хотел было ретироваться, но план отхода был отрезан то ли старушкой-уборщицей, то ли Гермесом в юбке.

И тут учитель очутился не только в плавках и клубах пара, но и в клуб-

местный косящий под древнегреческий театр. Давали «Вакханок» Еврипида, и так получилось, что учитель оказался на соседнем месте с очень красивой незнакомкой, которая весь спектакль, пребывая в каком-то экстазе, то сидела, запрокинув голову и закрыв глаза, то раскачивалась всем телом под древнегреческие гимны.

- Как вам представление? - спросил он после спектакля, надеясь на ее эмоциональное расположение и желание поделиться впечатлениями.

Но она не дала ему ни единого шанса.

- Бывают представления и получше, - с высоко поднятой головой направила она прочь к уже приехавшему по заказу такси.

Девочка и смерть

Рассказ

Карл Ясперс писал, что в течение жизни человек пребывает в экзистенциальной раковине, занят собственным бытом и ему в большинстве случаев не приходится думать о глобальных вопросах, в том числе и связанных со смертью. А что происходит, когда эта раковина разрушается? Встреча с самим собой и ужасающее осознание собственной уязвимости перед бесконечностью космоса. Рассказ писателя, лауреата многочисленных премий, доцента Литературного института имени Горького Фариды НАГИМА, написанный специально для «Учительской газеты», об этом. А еще об учителе - дедушке, пришедшем, как в том стихотворении Веры Полозковой, «из заполярных льдов, // из-под вертолетных винтов».

Фарид НАГИМ

Маленькая, затерянная в степях деревушка - такие обычно прячутся в лощинах, неподалеку от тракта. Завывает ветер. Скрипят во тьме карагачи. Далекий заунывный лай собаки.

Небольшой домик. В окнах моргает телевизионный свет. Полутемные комнаты. Дверей между ними нет, только занавески. В большой комнате работает телевизор. В маленькой спит Катя. Из-за неплотной сдвинутой занавеси на нее падают синие телевизионные полоски. Катя открывает глаза, садится на кровати - растрепанная голова, испуганное лицо.

В большой комнате мама - сонно смотрит телепередачу «Дом-2».

Катя сидит на кровати. Волосы всклокочены. Лицо искажено страхом, по щекам текут слезы. Она встает и, скрючившись, словно от боли, тихонько пробирается к печке. Пьет воду из ковшика - руки трясутся, зубы стучат о железо.

Мама приглушает звук телевизора, прислушивается. В тревоге поднимается с кресла и крадется на кухню. Включает свет, отодвигает занавеску. У печи на корточках сидит Катя - взъерошенная, бледная, чужая.

- Катя! Как же ты меня напугала! Ты че?

Катя захлебывается в плаче и не может начать говорить.

- Хоспади, да что с тобой такое?

Катя вздрагивает, кривит рот и странно смотрит на мать.

- Что?

- Мама, я умираю!

Мать какое-то время смотрит на нее в сонной оторопи.

- Что болит? Живот?! Что? Чего? Скажи ты!

- Нет, мама! Я умру!

Мама в растерянности стоит над дочерью и ничего не может понять. На автомате отходит, краем глаза смотрит на телевизор.

- Да с чего ты умрешь?

- Я проснулась и поняла, что я умру! Я точно знаю, что я умру. Мне страшно!

Катя плачет навзрыд и заламывает руки.

- Так тебе сон, что ли, страшный приснился? Или напугал кто?

- Я умру, умру. Мама, почему я так несчастлива? Я самая несчастная! Я так боюсь!

- Катя, я в три раза старше тебя! Я же не боюсь!

Мать в растерянности ухмыляется и с печальной озадаченностью смотрит на дочь.

- Не в этом дело!

- Пошли-ка во двор, воздухом подышим!

Катя еле двигается. Мать помогает ей накинуть на сорочку длинное пальто. Катя вступает в галоши, а мама в большие резиновые сапоги и, приобняв дочь за плечи, ведет во двор.

Мерцает купол звездного неба. Мать с дочерью стоят у бочки с водой. В ней дрожат звездные кляксы.

- Давай я тебе полью, лицо сполосни.

Мать льет воду из ковшика в ладошки дочери. Та оmyвает лицо. Взгляд ее свежеет и проясняется.

- Ну что, как, получше тебе? - мать поеживается, ее передергивает от ночной прохлады.

Катя вытягивает вперед руки и смотрит на свои покрасневшие кисти. Пальцы дрожат.

- Мне так жалко мои руки - они тоже умрут! - девочка сотрясается в плаче. - И пальчики умрут. И я умру!

Она плачет, растягивая рот, испуганно блестя глазами.

- Да с чего ты взяла-то? Ну что за капризы такие, Катя?

- Я точно знаю, что умру. Я умру. Ты не можешь понять!

- Да я вообще в три раза старше тебя... Я же молчу!

Матери и жалко дочь, и в то же время она начинает раздражаться.

- Хорошо, Катя. Пойдем домой. Я тебе валерьянки накапаю.

Возвращаются. Гремят посудой на столике. Мать подает стакан. Руки девочки дрожат, стекло стучит о зубы.

- Печку завтра пораньше затоплю, чтоб теплее вставать было.

Женщина укладывает дочь в кровать. Одной рукой гладит ее волосы, другой отодвигает занавеску и смотрит телевизор.

- Я тебе ведро из сеней сюда принесу. Если захочешь, в него сходи.

Смотрит на дочь со страданием и любовью.

- А может, обидел кто? Ты сразу мне говори! Я любого урою!

Катя лежит с закрытыми глазами.

Над домом звездное небо. Лает собака. Проезжает запоздалая машина.

Дом погружен в сон. По комнате проползает свет фар. Катя лежит с открытыми глазами. В них страх.

Мама тяжело спит с пультом в руке. Катя плачет и прижимает зубами кулак, чтобы не закричать. С ужасом смотрит она во тьму.

День. Фельдшерско-акушерский пункт. Бледная Катя сидит на старой советской хирургической каталке. Мама общается с медсестрой, которая одновременно что-то записывает в общую тетрадь.

- И она, прикинь, прямо в «Одноклассниках» написала, типа: «Лютая. Свободна. Бешеный, я твоя! В общем доступе».

- Ну, Самошкина, она со школы такая! - не удивляется мама.

- А помнишь, как пацаны по спине пальцем проводили? Проверяли - носишь ты уже лифчик или еще нет.

- Помню.

Медсестра поднимает глаза на девочку.

- Солнышко, ну ты че? Такая молодая помирать собралась?

Катя хочет что-то сказать, но только икает. Отворачивается к окну. За ним барханы, поросшие тонкими

лезвиями овсеца. Стремглав прыгает перекасти-поле. Медсестра с серьезным видом рассматривает бумаги.

- Катюх, небось, полкласса пацанов тебя любят, а ты вон че.

Катя рассеянно смотрит на медсестру. Лицо осунувшееся, заплаканное.

- Как в учебе у нее?

- Марь Семенна ее хвалит! Чистописане, дисциплина. Уроки без поминаний делает.

- Ну тем более, солнышко! Умная, красивая, вся жизнь впереди.

- Но... Не говори.

Медсестра подмигивает маме. Официально прокашливается.

- Итак. Диагностика не показала никаких отклонений в здоровье пациентки. Кровь, сердце в норме! Легкие я послушала. Горлышко посмотрела. Анализы у нее безупречные, хоть пей их, - медсестра подмигивает маме. - Безгрешные, скажем так.

Только вес не соответствует росту и возрасту. Ты что, каши мало ешь, Катюх?

- Она за эту неделю схуднула, как другим не помешало бы. Пряма чакнет...

У Кати начинают трястись плечи, по щекам текут слезы. Женщины растерянно смотрят друг на друга.

- Та-ань, у меня ФАП, вам еще не по профилю. Ее, похоже, в район надо везти, к психотерапевту. Сейчас такие дети пошли, что лучше свозить. А то мне же по шапке и прилетит.

- Ох, блин, и так уже отгул у Булыгина взяла.

- Ты договорись с Бауржаном. Он каждое утро людей до Бузарово возит. Оттуда на «два вагончика» до Даль-Елецка доедете.

- А направление там, страховка, полис, тоси-боси?

- Это я скажу. Но ты одним днем, типа экстренный случай.

- Слушай, мать говорит, может, ее к бабке сводить?

- Я в эту «Битву экстрасенсов» что-то не верю.

- Охо-хо... А может, и так пройдет?

- Так-то, конечно, пройдет. Вся жизнь пройдет.

Глубокая ночь. Шум ветра за окном. Мама спит. Катя ворочается на кровати. Утыкается головой в стену, водит пальцем по узору ковра и плачет. Лицо ее искажено ужасом.

Мать садится на диванчике. Вынимает из-под матраса кошелек. Копаются в нем. Там сто рублей и мелочь.

Она встает, осматривает карманы пальто. Поднимает клеенку на столе - там затертые десять рублей.

Фельдшерско-акушерский пункт. Катя сидит на стульчике за дверью. Слышно, как мама общается с медсестрой.

- Если по «Одноклассникам» судить, одна картина, а в реальности совсем другая, скажем так.

- Оль, займи триста рублей... Ваше беда какая-то. В район ее повезу. Дорога, лекарства, тоси-боси. Я с алиментов отдам.

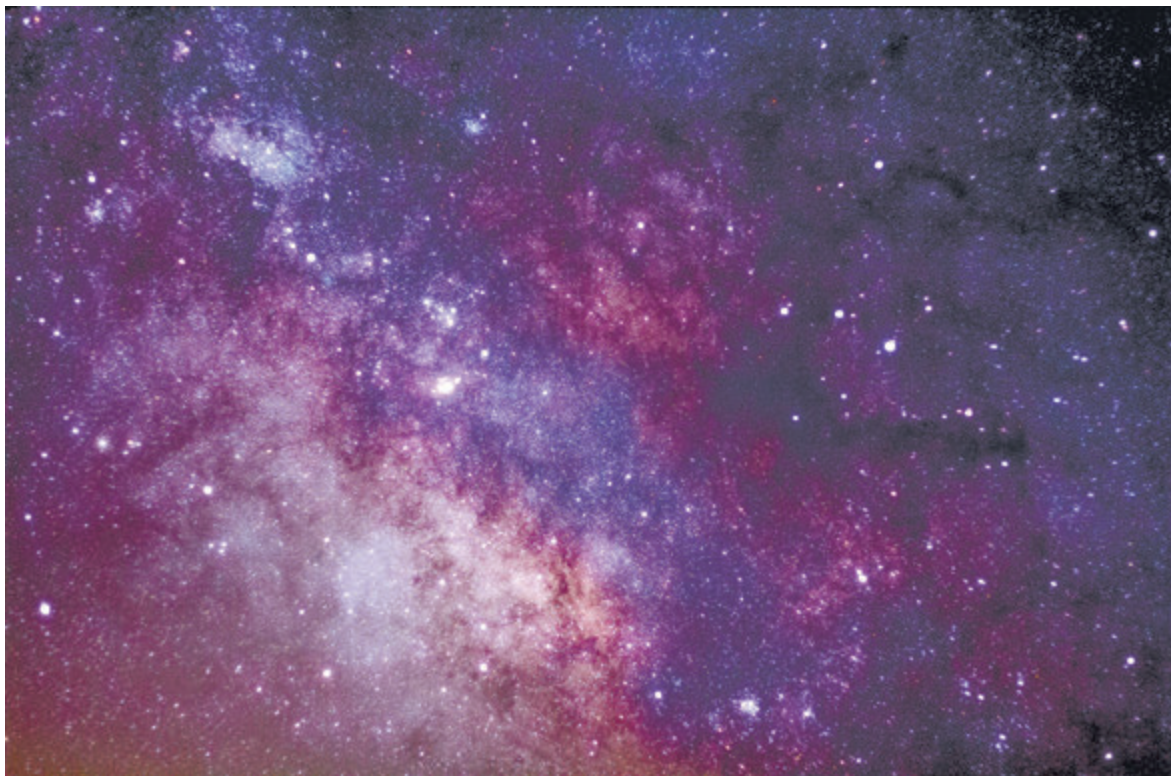
- По-хорошему это я вас туда везти должна. Но как тут? Одна «скорая» на пять сел.

- Спасибо, подруга! У Булыгиных свадьба. Так что день-полтора у меня точно есть.

- Да ты что?! Рапунцель замуж выходит? Ой, не могу, за кого?!

Слышен общий раскатистый смех. Катя сидит с поникшим видом и смотрит в дальнее оконце. Степь, ветер, перекасти-поле.

Небольшое строение станции, первый этаж кирпичный, второй - дере-

ванный. Надпись: ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКАЯ. УРАЛЬСКОЕ. БУЗАРОВО. Полутемное помещение, два ряда старых отполированных сидушек. В углу бак, из краника в таз капает вода. Окошко кассы. Внутри неразборчивые переговоры по радию. Слышно, как проносятся поезда - глухо, будто из-под слоя ваты. Две тетки в углу грызут семечки. Под трубой батареи лежит бездомный пес. Когда кто-то входит, ужасно визжит дверь. Катя сидит рядом с мамой. Мама спит глубоким сладким сном. Визжит дверь, и Катя видит дедушку неряшливого вида. Он подходит, внимательно осматривается и шепотом обращается к Кате.

- Здравствуй, доченька.
- Здравствуйте.
- Ты не против, я тут присяду?
- Садитесь. Тут много места вообще-то.
Дед присаживается на сидушку наискосок. Внимательно посматривает.
Мимо станции пролетает товарняк.
- Доченька, прости, чего же ты печальная такая?
- Мы с мамой «два вагончика» до района ждем.
- Это я и так понял. Вы не в больницу ли обратились?

Катя грустно кивает головой.
- Ох, и я туда же. Чем же ты захворала, маленькая?
Катя смотрит на него. У старика располагающее лицо, добрые, внимательные глаза.
- Я не знаю, дедушка.
- Интересный случай. Ну а доктору что скажешь, голубушка? Они сейчас строгие, занятые.

Катя с мучением в лице смотрит на деда и вдруг решается открыться ему.
- Скажи, что умру.

Старик печально качает головой. Кате нравятся его внимательный взгляд и серьезное участие - ни смешинки в его бородастом лице.
- Умереть боюсь. Вот.
- Так-так... Ничего не болит, а ты смерти боишься?

Катя кивает головой. И удивляется волнению старика, будто ему дышать тяжело.
- Что с вами?
- А то, что, когда я был в том же возрасте, что и ты сейчас, я тоже боялся смерти.
- Правда?!

- Ух, как я боялся, что умру. Вот ни с того ни с сего! Ночами не спал. Все дрыхнут, а я плачу лежу. Кошмар. Дети днем играют, а я слышу их крики радостные и думаю: вот же счастливые, играют и не знают, что я умру.

- И я точно так же, дедушка. И у меня так же!
- Но тебе повезло больше, чем мне.
- Чем?
- Тогда, в детдоме, некому было сказать: «Не бойся, мальчик, ведь есть Бог. Он тебя любит и

оберегает». А тебе-то чего тогда бояться? Подумай. Тем более что смерти вовсе нет. Есть душа бессмертная и Бог. Душа тут временно живет, - старик прилежно и уверенно стучит кулаком по груди. - А тебе наоборот, здоровое тело лечили. Анализы, небось забирали всякие?

Катя усердно кивает головой.
- Запомни, доченька, не думай, что я старый дурак, Бог любит тебя. Оберегает и не допустит, чтоб ты умерла. А сильнее его и нет никого. Так чего же тогда бояться в этом мире?
- Так неужели Бог и вправду есть, дедушка?
- Вот ты муравей!
- Почему это?

- А представь, муравейчик стоит на самом верху муравейника, смотрит снизу вверх на во-от такой листик былинки и удивляется: да неужели человек есть? Не может такого быть? Есть только я, муравей, и все мне позволено! Так же и человек.

- Но как же Бог один, а нас много? Как он даже меня в деревне Линевка, вот в таком маленьком домике, может ночью отличить и защитить?

Старик вздыхает с некоторой растерянностью.
- Ты, наверное, не знаешь, что такое Джи Пи Эс навигатор?

- Не знаю, дедушка. Мы географию еще не проходим.

- А это просто, в космосе болтаются на орбите спутник и отслеживает миллионы машинок на земле, связанных с ним. Женским голосом дорогу им подсказывает, говорит, где авария, пробка или ремонт. И даже если ты в глухой степи заблудился, спутник этот тебя отследит и дорогу укажет. То есть одна железючка другую видит и помогает ей. А ты думаешь, что Господь Бог не сможет живого человека отследить, помочь ему, сбереж и на путь истинный направить?

- Может... А что же надо делать, дедушка, чтобы в него верить?

- Верить. Знать, что он есть, и никого и ничего не бояться.
- Умным быть.
- А-а, ум - дело десятое. Крысы тоже умные... За добро стоять, за справедливость, мир этот любить.

- Хорошо, дедушка. Я поняла. Задумавшись, вспоминает, что хотела еще что-то спросить.

- А почему же я умереть забоялась?
- Ну это ты, как и я. У меня вот бабушка того, к Господу отошла. Потом детдом... Понимаешь, мы с тобой тело свое осознали, наличие и бренность его. Ох, еще и намучаешься ты с ним! Надоест даже. А жить будешь столько, что аж сама

устанешь. Будешь старенькая говорить: «Ой, устала уже, когда же я к Господу отойду? Надоели вы мне все тут. Ничто мне не в радость, пошлость одна окрест, хочу душой своей взлететь к духу вечному».

Катя смеется.
- Вот ты смеешься, а я тебе чуть не забыл главный секрет сказать.
- Скажи, дедушка, пожалуйста.
- Тебе страшные сны снятся? Такие, что аж, кажется, умрешь, какие они страшные.
- Снятся.

- А вот неверующие люди даже умирают во сне от страха. Задыхаются, и сердце так обмирает, что забывает, как дальше идти. А все лишь потому, что они заветной формулы не знают.

Катя слушает затаив дыхание.
- Всего-то навсего надо произнести: «Господи! Спаси и сохрани!» Даже во сне за эту формулу держись божественную. И все ужасы от тебя, как дым, отлетят. И так же, если страх смерти приходит. Я вот в детдоме был один. И некому было сказать тогда, что я не один, в какой бы пустыне ни находился. Ах, голубушка моя, так мне горько за того мальчика.

- Горько...
- Господи, спаси и сохрани! Вот и все. Запомнила?
Катя кивает. Задумчиво улыбается и смотрит в окно.

Пролетает, длинно приседает и ухает товарняк. Громкая сирена тепловоза.

Вскакивает мать, еще не очнувшись от сна. Отирает подбородок от протекшей слюны. Дико озирается.

- Мама! Тут дедушка такой волшебный был...
- Катя растерянно озирается. - Только где же он?

Деда уже нет.
- Где? - мать хлопает себя по бедру. - Сумка моя где?!

- А?
- На! Ну ни на минуту нельзя расслабиться! Мать заполошно озирается, ищет сумку, ее нет.

- Там же яйца с хлебом, носки мои... и полис, мать ее за ногу, твой! Как мы теперь в больницу попадем?!

- Мама, кажется, не надо уже никуда.
- И сто пиисят рублей... Ой я дура!
Слышен шум поезда за окном, сирена тепловоза. От ветра хлопает входная дверь, будто кто-то невидимый вышел.

Звездный купол над маленьким домиком. Шуршит карагач. Словно экзотическая птица, вскрикивает сова.

Мама спит с пультом в руке. Возле диванчика арахисовые орешки и баночка с энергетическим напитком. На стульчике каталог «Ори-флэйм».

Катя лежит на кровати. Спокойным и ясным взором смотрит она во тьму ночи.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР -

Арслан ХАСАВОВ, arslan.khasavov@gmail.com
Первый заместитель главного редактора -
ответственный секретарь - Ирина ШВЕЦ, irina@ug.ru
Первый заместитель главного редактора -
Ирина ДИМОВА, dimova@ug.ru
Генеральный директор -
Анна ЕЛАНСКАЯ, aelanskaya@ug.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ирина АБАНКИНА, Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ,
Александр АСМОЛОВ, Марьяна БЕЗРУКИХ,
Алла ВОЛКОВА, Илья ДЕМАКОВ, Александр ДЕМАХИН,
Алихан ДИНАЕВ, Алексей ДОРОНИН, Любовь ДУХАНИНА,
Марина ЗАХАРОВА, Юрий ЗИНЧЕНКО,
Анастасия ЗЫРЯНОВА, Вита КИРИЧЕНКО,
Татьяна КЛЯЧКО, Николай МАЛОФЕЕВ, Галина МЕРКУЛОВА,
Василий МУРЗАК, Андрей МИЛЁХИН, Антон МОЛЕВ,
Татьяна ПОГОРЕЛОВА - ответственный секретарь,
Петр ПОЛОЖЕВЕЦ - председатель, Игорь РЕМОРЕНКО,
Маргарита РУСЕЦКАЯ, Андрей СИДЕНКО,
Владимир СОБКИН, Екатерина УБА, Владимир ФИЛИППОВ,
Елена ЧЕПУРНЫХ, Сергей ШАРГУНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Арслан ХАСАВОВ - председатель
Ирина ШВЕЦ, Наталья БУНЯКИНА,
Анна ДАНИЛИНА, Лора ЗУЕВА

ОТДЕЛЫ

образования и воспитания
редактор Светлана РУДЕНКО - (495) 623-57-81
Ольга МАРИНИЧЕВА
политики и экономики образования
редактор Вадим МЕЛЕШКО - (495) 623-39-17
писем и социальной защиты
редактор Надежда ТУМОВА - (495) 623-02-85
информации
редактор Наталья БУНЯКИНА - (495) 607-78-57
культуры и науки
редактор Борис КУТЕНКОВ - (495) 628-82-53
юридический
Татьяна ПОГОРЕЛОВА - (495) 623-02-85
рекламы и общественных связей
Ирина АГАЕВА - (495) 623-73-94

Сетевое издание «Учительская газета»

главный редактор Анна ДАНИЛИНА - (495) 607-93-40

«Мой профсоюз»

главный редактор Наталья БУНЯКИНА - (495) 607-78-57

«УГ-Москва»

главный редактор Лора ЗУЕВА - (495) 623-57-81

СОБКОВРОВСКИЕ ПУНКТЫ

Великий Новгород - Светлана ПОТАПОВА (8162) 66-08-11;
Воронеж - Татьяна МАСЛИКОВА (473) 242-22-06;
Екатеринбург - Марина РОМАНОВА (343) 234-34-35;
Нижний Новгород - Вера АБРАМОВА (951) 914-49-73;
Новосибирск - Нина КОПТЮГ 8-962-831-73-75;
Омск - Наталья ЯКОВЛЕВА (3812) 95-51-30;
Петрозаводск - Мария ГОЛУБЕВА (960) 212-78-28;
Санкт-Петербург - Наталья АЛЕКСЮТИНА (812) 366-18-85

Ведущий редактор

Арслан ХАСАВОВ
Компьютерная верстка
Константин ГРЕССЕЛЬ
Зав. корректуры
Екатерина ШМИДТ

Адрес редакции:

107045, Москва, Ананьевский переулок, 4/2, стр. 1.
Телефон для справок (495) 628-82-53
Факс (495) 628-82-53.
Электронная почта ug@ug.ru
Веб-сайт: http://www.ug.ru

Учредитель:

АО «Издательский дом «Учительская газета»
Издатель:
АО «Издательский дом «Учительская газета»
© «Учительская газета».
Все права защищены.
Перепечатка допускается только по письменному согласованию с редакцией, ссылка на «УГ» обязательна.

«Учительская газета» 12+

Номер выпуска 36 (10793) от 3 сентября 2019 года

Время подписания в печать:

14.00
2 сентября 2019 г.
Газета зарегистрирована Министерством печати и массовой информации Российской Федерации (№1061).
Отпечатано в типографии
ОАО «Московская газетная типография»
123995, г. Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1.
Тип. 2326

Индексы: П3595, П3357

Общий тираж с приложениями 54100 экз.

Цена договорная

© - материал печатается на коммерческой основе. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, данной в рекламном объявлении. Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции. Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются. В номере использованы фотографии из личного архива авторов, а также с фотобанка **unsplash.com**. На первой полосе - картина Владимира ДУБОСАРСКОГО «Буду летчиком».

Книжная ярмарка

Маршрут проложен «Учительской газетой»

32-я Московская международная книжная ярмарка пройдет в 75-м павильоне ВДНХ с 4 по 8 сентября. Это крупнейшее и старейшее подобное мероприятие в России, Восточной Европе и Центральной Азии. Посетителей ждут насыщенная программа, встречи с известными писателями и ведущими книжными издательствами страны и мира, мастер-классы и лекции, самые яркие новинки и бестселлеры.

А еще все дни ярмарки будет проходить выставка «Нарисованные миры: 1001 книга со всего мира», собранная Грацией Готти, одним из крупнейших мировых экспертов по детской книге. Юные читатели, их родители и все любители смогут поддержать в руках и полистать лучшие издания планеты.

«Учительская газета» не могла остаться в стороне от этого значимого события. Мы не только выпустили специальный литературный номер, но и, кажется, впервые будем представлены с собственным стендом. Запомним его номер - R32.

Мы также подготовили public talk на актуальную тему: «Буллинг в современной школе. Кто уязвимее - учитель или ученик?». Попробуем разобраться в этом сложном вопросе с приглашенными экспертами 7 сентября с 17.00 до 18.30 на второй сцене. В программе ММКВЯ так много интересных событий, что легко запутаться в том, какое стоит посетить в первую очередь. Мы составили наш собственный путеводитель. Полная программа ярмарки и информация по билетам доступны на официальном сайте ММКВЯ по ссылке mibf.info.

04.09
16.00-17.00,
детская сцена

Встреча с писателем Дмитрием Емцом, автором популярных книг для детей и подростков. **Дмитрий Емец** на сегодняшний день один из самых известных современных детских писателей. Суммарный тираж его книг более пяти миллионов экземпляров. На книгах Дмитрия Емца выросло целое поколение читателей. Веселые приключения обаятельного дракончика, домовят и русалок нравятся и взрослым, и детям. А фантастические серии о Тане Гроттер, Мефодии Буслаеве и Школе ныряльщиков знают и любят множество читателей.

17.00-18.00,
первая сцена

За что мы любим интеллектуальные игры? «Любая командная игра является моделью жизни», - говорит **Максим Поташев**, маркетолог, бизнес-тренер, магистр «Что? Где? Когда?». Парадокс нашего цифрового времени: онлайн-игры, соцсети и смарт-приложения не победили ни книгу, ни старые добрые офлайн-забавы. Напротив, молодежь азартно режет в «настолки» в антикафе, а их родители играют в барах в квизы и гениумы. Почему общество повернулось лицом к интеллектуальным развлечениям? В чем секрет знаменитой игры, не сходящей с экрана 43 года? Узнайте ответы на эти и другие вопросы.

18.45-19.30,
площадка T41

Космонавт-испытатель, Герой России, глава Российского движения школьников и автор литературного номера «Учительской газеты» **Сергей Рязанский** представит свою книгу «Можно ли забить гвоздь в космосе, или Другие вопросы о космонавтике».

05.09
11.30-12.30,
конференц-зал №101

«Аналитика чтения и оценка читательских компетенций детей и подростков».

Участники семинара ознакомятся с работой программного комплекса для оценки читабельности текстов в зависимости от уровня сформированности компетенций чтения. Использование комплекса позволит уйти от традиционного деления доступности текстов по классам, даст возможность учителям, библиотекарям, родителям ранжировать и оперировать текстами, подбирая их в соответствии с читательским возрастом и читательской компетентностью учащегося, повышать мотивацию чтения. Участвует **Наталья Николаевна Сметанникова** - кандидат психологических наук, профессор, президент Русской ассоциации чтения.

16.00-18.00,
первая сцена

Кто издает и кто читает подростковые книги? Популярные и табуированные темы в подростковой книге, роль родителей в выборе книг для чтения, как надо правильно писать для тинейджеров и почему подростковых авторов так мало. Все это в публичном разговоре обсудят за одним столом спикеры-подростки и спикеры-издатели.

16.00-17.00,
детская сцена

«Вся школа - театр, и люди в нем смеются» - так утверждает учитель музыки и писатель **Артур Гиваргизов**, который представит свою книгу «Вопрос номер двадцать пять». Сам он любит похулиганить не меньше, чем его ученики, а главное - его средство обучения - юмор! Сборник коротких и очень смешных зарисовок и пьес, вошедших в новую книгу, для тех, кому точно пора посмотреть на школу с другой стороны!

16.20-17.20,
площадка B1-D2

Одним из почетных гостей ММКВЯ является Республика Беларусь. Кандидат педагогических наук, доцент, автор учебников **Ольга Игоревна Тиринова** проведет презентацию «Учебно-методические комплексы». Среди заявленных тем - «Первые дни ребенка в школе. Как обеспечить успешную адаптацию?»; «Современный букварь: шаг в пятое столетие букваристики» и другие.

06.09
16.00-17.00,
площадка T41

«Современная школа больше не работает!» - заявил журналист, экс-заместитель главного редактора проекта «Сноб» и автор книги «Другая школа» **Александр Мурашев**. Целый год он исследовал альтернативы: детский парламент, дневники без оценок, рэп-баттлы по «Войне и миру», сварку и «гитаростроение» на уроках труда и другие чудеса в необычных школах по всему миру, чтобы ответить на вопрос: «Откуда берутся нормальные люди?» Александр встретится с читателями, чтобы рассказать о своем путешествии и обсудить злободневные вопросы российского образования.

18.30-19.30,
площадка T41

Учитель русского языка, автор знаменитого блога «УчилкаVS ТВ» **Татьяна Гартман** расскажет о своей книге «Речь как меч. Как говорить по-русски правильно» и правилах русского языка в своем авторском формате, пообщается с читателями и ответит на вопросы.

07.09
11.00-12.00,
первая сцена

Тот самый **Эдуард Лимонов** - писатель, поэт, публицист, политический деятель и экс-председатель запрещенной в России Национал-больше-

вистской партии (НБП). Его книги вызывают подлинный интерес на протяжении десятилетий. Сочные и емкие образы, словно оружие, поражающее точно в цель, откровенная бескомпромиссная манера общения с читателем - отличительные черты книг автора. Уникальная возможность встретиться с ним лицом к лицу.

11.00-12.00,
детская сцена

Чемпионат по чтению стихов среди старшекласников. Участники не знают, какая книга им достанется, все, что у них есть, - это собственный читательский опыт и одна минута, чтобы впечатлить своим чтением зрителей и членов жюри. Товарищеский матч сборной мальчишек против команды девчонок откроет сезон «Страницы 20». В состав команд вошли участники «Страниц» из разных городов и разных лет. Такого противостояния еще не было!

12.00-13.00,
первая сцена

«The Big Idea: книжная серия для новой эпохи». «Введение в XXI век» - с таким подзаголовком выходит серия «Большие идеи». В этих содержательных, провокационных и убедительных книгах современно все - от содержания до формы. Форма - особый визуальный подход и многоуровневая подача: книгу можно освоить за пару часов и даже за полчаса, что актуально для «новых занятых». За содержание отвечают авторы - специалисты по своей теме и редактор с мировым именем Мэтью Тейлор. Меняется ли гендер? Работает ли капитализм? Заменит ли человека искусственный разум? Говорим о больших идеях, на которых строится сегодняшний мир. В мероприятии примет участие основатель и бессменный руководитель издательства Ad Marginem **Александр Иванов**.

14.00-15.00,
детская сцена

Творческие встречи с народным художником Российской Федерации **Виктором Александровичем Чижиковым** всегда проходят с чувством удивительного тепла и любви. Неземные их гости не только малыши, но и те, кто уже давно не малыш, но был им, когда впервые увидел его рисунки, и вырос с ними. Виктор Чижиков непременно вспомнит свое дитя - олимпийского Мишку, непременно расскажет что-то смешное, представит новые книги в авторской серии «Сказки с рисунками Виктора Чижикова» и раздарит свои веселые рисунки-автографы.

19.00-20.00,
третья сцена

«4К: навыки XXI века». Осознание и тренировка креативного мышления в переходном возрасте. Этот мастер-класс писателя, основателя «Школы критического мышления», бизнес-тренера и автора книги «Критическое мышление для детей. Железная логика на все случаи жизни» **Никиты Непряхина** поможет школьникам приобрести и развить навыки, необходимые для самостоятельной жизни. Ведь, как известно, креативность, критическое мышление, коммуникация и командная работа самые востребованные навыки ближайших десятилетий.

08.09
13.00-14.00,
детская сцена

Книжки популярной британской писательницы **Холли Вебб** обожают российские читатели - и совсем малыши, и постарше. Их и надо бы назвать так, как называется одна из них, - «Солнечные истории». Милые, светлые, веселые, поучительные - все как полагается. Книжки про щенка Проказника, про маленькую волшебницу Молли, про живую девочку из стекла Мариану - в мирах Холли Вебб бесконечное число героев! На этой уникальной встрече британская писательница сама расскажет о них.

15.30-16.00,
площадка T41

Творческая встреча с писателем, семейным психологом **Еленой Колиной**, мастер-класс «Как подружиться со своим ребенком» по ее новой книге «Как мама была маленькой. Книга для дружбы детей и родителей».

15.00-16.00,
первая сцена

Самый импозантный зарубежный гость ярмарки, конечно, **Фредерик Бегбедер**. И приехал он не с пустыми руками. Известный писатель намерен создать в России книжную серию, в которой публиковались бы самые актуальные произведения французских авторов. Каких французских книг не хватает российскому читателю? Как будет называться новая серия составителя Фредерика Бегбедера и о чем будет писать он сам? На эти и другие вопросы ответит автор нашумевших «99 франков», «Любовь живет три года» и других романов. Встречу ведет известный писатель и педагог Литературного института имени А.М.Горького Андрей Геласимов.

